

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ

A man with dark hair and a beard, wearing a white long-sleeved button-down shirt and blue jeans, stands in a dark, industrial environment. The background is filled with dark, vertical, textured elements, possibly pipes or machinery, with a bright light source behind him, creating a dramatic silhouette effect. The overall mood is gritty and intense.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛОВУШКА ДЛЯ ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ

Георгий Александрович Ланской

Ловушка для идеального мужчины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69553720

SelfPub; 2023

Аннотация

Идеальный во всех отношениях Сергей Богаченко отказывает в помощи опустившемуся другу детства, сообщнику страшного преступления, совершенного в юности, и после отказа вся его отлаженная жизнь катится в тартарары. Пытаясь разобраться в своих проблемах, Сергей понимает, что разгадку нынешних бед следует искать в событиях двадцатилетней давности.

Георгий Ланской

Ловушка для идеального мужчины

Пролог

Задай кто-нибудь вопрос: как же все вышло, и почему упорядоченная и стабильная жизнь покатила в тартарары, он бы не нашел ответа. А спроси любопытствующий, есть ли какая-то точка отчета, когда все началось, мужчина, что нервно топтался рядом с запертой дверью казенного кабинета, дал бы утвердительный ответ. А потом, засомневавшись, уточнил...

...Нет-нет, все началось гораздо раньше. И если бы была возможность отмотать жизнь назад, я никогда бы не поступил подобным образом. Не пошел на встречу, не стал общаться с этими людьми и никогда никого бы не обидел.

Пока дверь оставалась закрытой, у него было время на отступление и обдумывание. Но если она откроется – всему конец. Спасти не удастся. Дверь – это логово людоеда, зайдешь, и тебя скушают с потрохами, покрошат косточки в пыль и употребят без остатка. Мир не содрогнется, никто не вспомнит, что он вообще жил, хотя внешне в двери не было ничего страшного. Обычная обшарпанная дверь в казенном

коридоре казенного учреждения, с выкрашенными до половины в синий цвет стенами. На части покраски штукатурка давно облупилась, оставляя выщербленные, словно гнилые зубы, проплешины. На потолке – стандартные лампы дневного света, та, что посередине коридора мигает, отчего у посетителей нервно дергается глаз. А, может, это сделано специально, чтобы нагнать жути, и потому обычный коридор, кажется пропитанным отчаянием и безнадегой, сворачивающей кровь, даже если за вами не числится никаких грешков.

Мужчина не был в себе настолько уверен, оттого, каждый раз, когда в коридоре раздавались шаги, нервно вздрагивал, чувствуя холодок ниже затылка и покалывание во вставших дыбом волосках на руках.

Когда все началось? Где оно: то самое «жили-были» в истории, что привела его к этой двери?

Жили-были пятеро друзей, которые в один прекрасный день перестали дружить, и случилось это не просто так, а потому что за светлыми чистыми лицами скрывалась мрачная тайна, что привела их, мрачных и насупленных, к долгим объяснениям и оправданиям, которым все поверили, не подумав, насколько убедительно могут врать люди их возраста, если им есть что скрывать. Тогда они, сурово глядя друг на друга и отчаянно трусая в душе, принесли свою клятву, скованные, скорее, страхом разоблачения, иначе не было бы никакого потом. И никто из них бы не помнил, какой сырой

и вязкой была земля, осыпающаяся под тонкими пальцами.

Пройдут годы, и они будут думать, что история закончилась. Клятва в вечной дружбе на крови, принесенная ими на смех, при помощи ножика, давно себя изжила и была позабыта, потому что не существует никакой вечной дружбы, армейского, школьного или студенческого братства. Действительность выталкивает романтические элементы былого с холодной безжалостностью. Да и сами они не стремились к продолжению, отстраняясь друг от друга. Похороненная история никого из них не тревожила, и была благополучно похоронена под градом забот. Временами, с пугающей ясностью каждый из них воскрешал в памяти события тех дней, ощущая вязкую глину на своих руках, и отгонял усилием воли. Никакого «потом» не должно было случиться.

Но оно случилось.

Жили-были пять товарищей. После они перестали дружить, почти потеряв друг друга из виду, отслеживая перемещения слабым шевелением внимания на подкорке мозга. Все они сделали резкий рывок вперед, словно давняя тайна подстегивала и гнала вперед, но лишь четверо смогли удержаться на этой волне. А вот пятый...

Жили-были пятеро друзей с одной общей тайной, запечатанной кровавой клятвой. А затем один из них решил эту клятву нарушить и погубить всех, утащив за собой в огненную яму. Это и была точка нового отчета, новой, равнодушной в своей безжалостности спирали, что раскрутилась и

смела собой виновных и непричастных. Жил-был один человек, которому не очень повезло в жизни, и, вспомнив о прошлом, он решил, что кто-то остался ему должен. А решив, он направился собирать долги. Стоя перед запертой дверью мужчина подумал, что об этом ни в коем случае нельзя рассказывать, уйдя в глухую оборону, неосознанку, как любят говорить в этих самых стенах, наполненных ложью и страхом. И как только он подумал о нагромождении новой лжи, в его висках застучало и захлопало, словно голову атаковала стая птиц. Может, именно поэтому он и пропустил приближающегося противника, а потом было уже слишком поздно.

Шаги за его спиной были на удивление легкими, почти беззвучными, и потому он вздрогнул лишь когда его мягко, но решительно отодвинули в сторону, ключ дважды провернулся в замке, а ручка ушла вниз под напором входящего.

И сейчас, когда проклятая дверь, наконец-то открылась, он выдохнул, понимая, что сейчас ему придется пройти через многое и доказывать, что он, по сути, добропорядочный человек с безупречной репутацией.

А вовсе не убийца.

Глава 1. Закадычный враг

До начала линейки оставалось еще минут сорок. Несмотря на это школьников уже сгоняли во дворик перед крыльцом, а ответственные учителя, прикрикивая, формирова-

ли из толпы возбужденных родителей и их чад кривоватую букву «П», обращенную ножками к дверям, парадной тумбе и микрофону. Звуковик настраивал оборудование и пару раз толпа вздрагивала от вырванных из середины школьного вальса нот. На мгновение воцарялась тишина, а потом над головами, словно улей рассерженных пчел, поднимался разноголосый гул. Наэлектризованная нервами секретарша, прижимая к груди ворох бумажек, то и дело выскакивала за школьные ворота, проверяя, не едут ли высокие гости. На первый звонок ожидалась высокие чины. Завуч вновь инструктировала высокого плечистого старшеклассника, который хмуρο кивал и с презрением мастифа, оглядывающего левретку, смотрел на напуганную пигалицу в бантиках с колокольчиком в руке. Поодаль устанавливал треногу камеры оператор, рядом зевала молодая журналистка с микрофоном в руке, на лице которой читалась скука. Пресса ждала высоких гостей, а те могли приехать неожиданно рано. Правительственную знать следовало отловить и взять радужный комментарий о перспективах развития образования в текущем году, как будто их пустомельи речи кого-то могли на самом деле заинтересовать.

Историк Сергей Богаченко прихлебывал из красно-белого стаканчика приостывший кофе, смотрел на собравшуюся толпу и чувствовал легкий тремор, хотя в его жизни этих первых звонков был уже десяток. Однако это первое сентября было особенным. Окинув взглядом толпу, он поискал

дочь в толпе старшаков, не увидел и досадливо поморщился.

В конце августа в воздухе всегда витает некая обреченность, смешанная с нетерпением, знакомая любому, кто имеет хотя бы какое-то отношение к школе или иным учебным заведениям. Август, это верхушка лета, его пик, после которого – всё, амба, новая жизнь, что начинается с высокими, как штыки стеблями срезанных гладиолусов, стриженными макушками мальчишек-первоклассников, гигантскими бантами худеньких девчонок с заострившимися от волнения личиками, напуганных неожиданными перспективами и первым осознанием, что беззаботному детству пришел каюк. Впереди новая жизнь с новыми обязанностями. И даже то, что на первую линейку первого сентября тебя поведет мама и даже будет держать за потную ладошку не очень ободряет, поскольку она сама волнуется и боится. А потом, второго сентября, ты пойдешь в школу один, с полным осознанием собственного взросления.

Школьники постарше и студенты, усыпанные звездочками воспаленных прыщей, к концу лета относятся более философски, принимая его со знакомой обреченностью и взвешивая перспективы грядущих встреч, тусовок и развлечений, потому что это время не предназначено для бесконечной зубрежки. Молодость скоротечна, надо успеть сделать все: подраться, влюбиться, возненавидеть, ощутить вкус чужих, пересохших губ и прочие плотские радости с разной степенью везения. Учителям же, вольно или невольно, при-

дется определенным образом участвовать во всех событиях, разгребая завалы подростковых драм и лишь уповая на небеса, чтобы в том году их было немного меньше.

Сергей залпом допил кофе, поискал, куда можно выбросить стаканчик, но до урны было далеко. Смяв бумажную тару, он принялся запихивать стаканчик в свой потертый кожаный портфель, который, естественно, тут же воспользовался случаем и расстегнулся, выплюнув содержимое на бетонные ступени. Чертыхнувшись, Сергей начал трамбовать конспекты обратно, с раздражением отметив, что несколько кофейных капель оставили на кристально-чистой обложке его тетради грязные кляксы. Неосторожное движение заметила директриса и ринулась к Сергею с проворством атакующей барракуды.

—Сергей Владимирович!

Он поднялся, изобразив на лице полную готовность вытянуться по струнке. Директор, пожилая, со старомодной халой дико-вишневого цвета, в принципе была довольно неплохой теткой, но в ответственные минуты слишком суетилась.

—Да, Алла Антоновна?

Она подскочила и вцепилась в рукав его пиджака с мученическим выражением лица, на котором читалась убежденность, что он обо всем забыл и сейчас ей придется опозориться перед всем городом.

—Сергей Владимирович, вы же все помните?

–Я все помню, Алла Антоновна. Не переживайте.

Она не слушала и переживала. Опустив на нос очки, Алла Антоновна Ступина торопливо пробежала взглядом по изрядно пожеванной странице со сценарием торжественного мероприятия, не подозревая, что в этот момент напоминает заполошную рыжую курицу.

–Значит, Сергей Владимирович, смотрите, сперва будет торжественная речь, короткая, ее директор скажет. Затем он поприветствует мэра, тот скажет несколько слов детям. Вы далеко не отходите, потому что сразу после этого он будет вас награждать. Выйдете, пожмете руку, примете от него диплом, а Кариночка вручит вам цветы.... Карина! Где Карина? Карина!

Алла Антоновна издала трубный вопль. Из-за колонны высунулась девчачья мордашка с вытаращенными от страха глазами. Сергею стало смешно.

–Карина! Не уходи далеко! – приказала Ступина. – С букетом всё в порядке?

Карина помахала в воздухе аккуратным круглым букетом из мелких георгинов. Алла Антоновна осталась довольна, а потом, переведя взгляд на улыбающегося Сергея, нахмурилась.

–Вам бы все хиханьки да хаханьки, Сергей Владимирович, а у нас, между прочим, такое событие впервые за последние пять лет. Чтобы сам мэр к нам... Ох, простите, я не то имела в виду, я понимаю, что он тут из-за вас в боль-

шей степени.... Но можно попросить вас быть немного серьезнее?

– Алла Антоновна, я очень серьезен.

– А чего вы тогда смеетесь?

– Да не смеюсь я. Настроение хорошее.

Ступина поджала губы и произнесла со сварливой обреченностью.

– Не понимаю, чему тут можно радоваться, хотя я ваши годы я тоже еще пылала энтузиазмом каждое первое сентября... Ох, ладно. В общем, Сергей Владимирович, вы помните: пожмете мэру руку, получите букет, затем скажете пару слов и, по возможности кратко. Журналисты уже спрашивали, когда могут с вами пообщаться, я им сказала, что после линейки, но это вы сами смотрите, можете и пораньше. Но лучше, когда мэр уедет, он не любит, когда внимание не на него... Вы не знаете, почему журналистов так мало? Мне уйма народу звонила. Все требовали подтвердить присутствие мэра.

– Первое сентября сегодня во всех школах, – пожал плечами Сергей.

– Но мэр-то только у нас на линейке будет! – возразила директор.

– Да не только у нас, – покачал головой Сергей. – В сорок второй линейку на час задержали, потому что его ждут. Он от нас сразу к ним поедет, и потом, наверное, еще куда-то. Это ж самые важные мероприятия для города, а он случая

пропиариться не упустит. Помните, как в прошлом году он лично хотел девочку понести, а потом отдал помощнику, потому что пупок надорвал?

Ступина выдохнула. От директрисы пахло валокордином.

– Да помню я. Сама думала про это позорище. Лучше б вообще не приезжал. Пойдет что не так, нас же распнут, и журналисты и блогеры эти недоученые... Не его, а нас, сейчас же камеры у всех в телефоне. Я с утра уже на взводе, – в сердцах сказала она и, умоляюще поглядев на Сергея, добавила: – Сергей Владимирович, а если что-то пойдет не так? Вдруг он на зады школы пойдет и увидит, что у нас там фасад не доделан? Как мне ему объяснить, что нам денег не хватило?

– Алла Антоновна, ну чего же вы так переживаете? Это же первый звонок в школе, а не запуск «Фалькон 9». Что может пойти не так? Не пойдет он с инспекцией во двор, времени не хватит. Покажете ему новый компьютерный класс и спортзал, журналисты фото сделают. Не надо так волноваться. Максимум неприятностей, если наш Вадик уронит девочку с колокольчиком.

– Только этого мне не хватало! – воскликнула Алла Антоновна и начала искать Вадика беспокойным взглядом. Сергей понял, что ничуть не успокоил ее, а, скорее, напугал. – Вадим! Вадим, иди сюда... О, господи, немедленно завяжи шнурки!.. Не хватало еще, чтоб ты Кариночку уронил! И убери волосы с лица, что ты как Лихо одноглазое! Врежешь-

ся в столб и не заметишь... И нечего тут мне фыркать! Пройдет линейка и ходи как хочешь!

Сергей фыркнул, глядя как долговязый Вадим, закатив глаза, убирает с лица челку, закрывающую ему правый глаз и торопливо завязывает шнурок под бдительным взором директора. Подошедший со спины физкультурник нервно хохотнул.

–Что, Серег, еще одно доброе дело?

–Достал ты, Вить, – с досадой произнес Сергей.

–А я чего? Я констатирую. Не в каждой школе работает супергерой.

–Вот со своей констатацией ты меня и достал, и все вы тоже достали, – раздраженно ответил Сергей. – Будто я только и делаю целыми днями, что хожу по городу и помогаю бездомным котяткам и бабкам, которых некому через дорогу перевести. Устроили тут показательные выступления. Еще на божничку мою фотку повесьте.

–Ну, на божничку тебя мэр повесит, – философски заметил физрук. – Говорят, там почетной грамотой не отделаться. Слухи ходят, что тебе ключи от хаты дадут.

–Слушай больше. И повторяй за всеми всякую хрень.

–А если правда дадут? Проставишься?

Сергей с неудовольствием покосился на собеседника.

Виктор Иванов, школьный физрук, крепкий, плотный, разменявший четвертый десяток, выглядел на свои года и не пытался этого скрывать. Рыжеватый мужчина в школе поль-

зовался репутацией ловеласа, и вовсе не скрывал своего интереса к слабому полу, что порой балансировало на грани дозволенного, особенно, когда речь шла о занятиях в старших классах, особенно, когда наливающиеся соком школьницы нуждались в крепком мужском плече при подходе к спортивным снарядам. В прошлом году Ступина с огромным трудом вытащила Иванова из назревающего, как гнойник, скандала с ученицей, которой показалось, что, подсаживая ее на канат, Иванов позволил себе больше, чем должен был. Зная о репутации и привычках приятеля, Сергей был уверен: той не показалось. В кулуарных же беседах Виктор горестно восклицал, что соплячка сама его провоцировала, но он удержался, а все эти наговоры – месть за плохую оценку. Присутствующие кивали, но каждый понимал, что Иванов врет, как сивый мерин.

–Когда-нибудь твой дружок в штанах доведет тебя до беды, – предрек тогда Сергей. Виктор отмахнулся.

–Да ладно...

–Вот и будет тебе ладно. Берега-то не путай, они ж дети еще.

–Серый, ты видел эту кобылу? – фыркнул Виктор. –Какое она дите? Думаю, она мне еще фору даст по части секса.

–Я в отличии от тебя не хочу об этом думать. И тебе не советую. У меня дочь с ней в одном классе учится, и очень не хочется, чтобы ты вот так думал и говорил об Алёнке.

–Серег, ты свою дочь с той шалашовкой не равняй, – вос-

кликнул Виктор.

–Я сказал, ты услышал, Вить, – предупредил Сергей. Тот пробурчал что-то нечленораздельное, но больше они на эту тему не разговаривали. Зарождающийся конфликт был исчерпан, а в следующем году тема возможных обвинений никогда больше не поднималась, хотя осадочек, надо признать, остался. Однако в целом, Иванов Сергею нравился, прежде всего за убийственную простоту, присущую настоящим мужикам.

–Твои сегодня здесь? – спросил Виктор, возвращая Сергея в действительность.

–Алёна тут, я ее привез, а у Дашки работа. Первое сентября – самый сенокос, наверняка сейчас крутит кому-то локонь.

Сергей вновь бросил взгляд на толпу, выискивая лицо дочери, нашел ее одноклассников, которые перешучивались, толкались, выдували изо рта пузыри жвачки, дергали головами в такт музыки, льющейся у них из наушников, словом, вели себя как нормальные старшеклассники, но Алёны среди них не было. Сергей сунул руку в карман, нащупал телефон и подумал, что было бы неплохо позвонить дочери, но раздумал и убрал руку. На фоне предшествующего разговора в машине, самое ненужное, что он мог сделать, это позвонить Алёне.

–Зря не пришла, – сказал Виктор. – Не каждый день муж из рук первого лица получает ключи от новой хаты.

–Вить, такое чувство, как зависть должно быть чуждо представителю отечественной интеллигенции, – буркнул Сергей, однако в глубине души завозилась надежда: а что если? Ключи от новой квартиры могли решить массу вопросов, хотя ему казалось, что времена, когда бюджетникам давали ни за что, ни про что апартаменты остались в давнем советском прошлом, с его ударниками, стахановцами, намолотившими сокровищ в закрома родины. Родина нынешняя на подарки была скуповата, предпочитая одаривать квадратными метрами совершенно других людей. Но если бы сегодня ему действительно перепало что-то более ценное, чем банальный диплом, от которых ломилась полка, то хотел бы он, чтобы жена, что всюю пахала в салоне красоты, была сейчас рядом?

Сергей подумал, что хотел бы. Даже несмотря на недавнюю ссору, перетекшую в затяжную холодную войну с молчанием и демонстративным хлопаньем дверьми, закатыванием глаз и перетягиванием на свою сторону немногих союзников.

Виктор, не подозревающий о чувствах товарища, невесело хохотнул.

–Я не завидую, Серег, я сожалею, что не я оказался в нужном месте в нужное время. Пойдем-ка покурим-ка, пока не началось?

–Да сейчас уже начнется. Ступину Кондратий хватит если она меня не увидит...

–Да мы недалеко, вон за угол, успеешь увидеть, если мэр подъедет... Пошли, а? Ну, что может случиться, если ты на минуточку отойдешь покурить? Меня уже воротит от этой показухи. Ненавижу Первое сентября.

Предложение показалось Сергей заманчивым, и он вдруг действительно захотел курить, подумав, что пара затяжек смогла бы устаканить его взбунтовавшиеся нервы. Поймав взгляд директора, он сложил вместе средний и указательный пальцы и дважды хлопнул себя ими по губам, указав головой за угол школы и одновременно извиняюще улыбнувшись. Ступина закатила глаза, выразительно постучала пальцем по часам, но потом обреченно махнула рукой. Сергей торопливо направился следом за Ивановым, бегло оглянувшись на толпу, ожидающих первого школьного звонка, не заметив пары внимательных глаз, наблюдающих за ним с напряженным вниманием.

...Двумя месяцами ранее...

Маруся Рязанова едет на съемки с неохотой.

Когда тебе слегка за двадцать, и ты только-только выпустилась с журфака, мир уже теряет свои радужные очертания, поскольку только первокурсники еще лелеют надежду получить Пулитцеровскую премию за свой репортаж или бредят светской жизнью, мечтая, как будут крутиться в сто-

личном бомонде, задавать умные вопросы знаменитостям и рано или поздно сами станут таковыми, получив роль ведущего в рейтинговом шоу. К финалу учебы, замученные унылыми лекциями, студенты начинают соображать, что работу мечты на блюдечке никто не принесет. А после выпуска, устроившись в газету, информагентство или на телевидение, юные акулы пера понимают, что рано или поздно им придется делать сюжет о невысыхающей луже или, позевывая в кулачок, внимать запинаящейся речи мелкого чинуши, что вяло и неинтересно рассказывает о достижениях департамента. Потом все это надо будет нарубить в капусту и выдать к определенному часу внятный сюжет, который никто не запомнит. И все ради того, чтобы в конце месяца на карточку упала зарплата, далекая от гонораров настоящих звезд. После этого журналисты делятся на реалистов, мечтающих свалить из профессии навсегда куда-нибудь на тепленькое, хорошо оплачиваемое место, и оптимистов, еще надеющихся свернуть горы.

Маруся Рязанова из первых. Обернувшись непробиваемым цинизмом к двадцати шести годам, она без всякого интереса глядит в окно служебной машины и думает, как бы поскорее отстреляться и свалить на пляж. Сюжет предполагался простенький, но ей предстоит встретиться не с одним персонажем, а сразу с двумя семьями, и это предполагает, что съемки затянутся из-за разбросанности по городу. Однако прожжённая в битвах с интервьюируемыми Маруся быст-

ренько придумает, как обойти эту сложность, уговорив второстепенных героев подъехать на место съемки главного героя.

–Только оденьтесь понаряднее, – инструктирует она по телефону испуганную женщину. – Ну, и сына нарядите. Только без перебора.

–Без какого пробора? – не понимает женщина. – У него нет пробора, он коротко стрижен. Я не знаю даже... Пробор обязательно?

Она явно в панике. Виталька Потеряев, верный соратник-телевизионщик, толстяк, весельчак и бабник, слушает разговор и откровенно развлекается. Маруся закатывает глаза и ласково поясняет.

–Без пе-ре-бо-ра! То есть просто брюки, рубашку... ну, или футболку попримечнее. Не надо костюм с галстуком, мы же делаем сюжет о простом мальчишке. И не опаздывайте пожалуйста, это же телевидение, тут важна каждая минута.

Отключив телефон, Маруся откинется на спинку сидения. Конторский водитель, что везет их к месту встречи, покосится на нее, но ничего не скажет.

–Зашугала тетку? – спросил Виталька, взявшийся на заднем сидении.

–Да ну ее, дура набитая, – отмахивается Маруся. – Надеюсь этот окажется поживее. Хотя ему, наверное, привычно речи толкать. Хорошо бы, чтоб он сам все рассказал, я только в общих чертах знаю эту историю.

–Главное – делай умное лицо, – советует Виталька.

–С этим у меня проблем не будет. Я в любой ситуации делаю умное лицо.

–Это да. Но не перебарщивай. Я в прошлый раз с Лариской ездил, у нее тоже на все случаи умное лицо заготовлено, но как только рот откроет – позорище для всей семьи. А, ты знаешь, с кем она спит?

–Виталь, мне плевать с кем она спит.

–Ну, и ладно... А ты знала, что Ромка Махарев – голубец?

–И кто голубец мне тоже плевать.

–Неинтересная ты, – обижается Виталька. – Поедешь после сдачи на пляж?

–Возможно.

–Ну, тут можешь не звездеть, я у тебя купальник еще с утра в сумке видел. Давай вместе?

–Не совал бы ты нос в чужие сумки, Виталь, – злится Маруся и оставшуюся часть пути они проедут молча. Водитель, который наверняка был в курсе всех сплетен, побряхтывает, но в диалог не вмешивается, за что Маруся ему невероятно признательна. Ее уже сдает нетерпение. Мысль, что через три, максимум четыре часа она выйдет из душевой студии и ляжет на песочек у ближайшего водоема охлаждает лучше газировки.

Герой сюжета ей неожиданно нравится, а Виталька одобрительно кивает, оглядев светлую квартиру без лишней мебели, где ему, неповоротливому бегемоту, было где развер-

нуться со своей треногой. Домочадцы в виде жены и взрослой дочери не докучают, укрывшись в кухне. Маруся, к своему удовольствию, почти не задает вопросов, чувствуя, как округлые ровные фразы вылетают изо рта этого привлекательного мужчины, без какого-то пафоса рассказывающего о том, что все уже давно окрестили настоящим подвигом. Мужчина ей кажется привлекательным, несмотря на то, что почти годится в отцы. Глядя на его мощные плечи, она бы никогда не предположила, что он – преподаватель истории, даже не физрук.

– Нам бы для картинки снять еще чаепитие, – говорит Виталька уже после того, как они побеседовали. – Вместе с семьей. Показать, что у вас все идеально.

Хозяин уходит на кухню, после чего затаскивает в гостиную стол. Маруся вежливо ждет, когда Виталька, командуя парадом, рассадит в нужном ракурсе героя, его невероятно красивую жену и дочь, что демонстративно фыркает, но при виде камеры, расцветает и умело позирует, чмокает папеньку в щеку и пьет чай, церемонно оттопырив мизинчик с безупречным маникюром. Жена держится сдержанно, прохладно улыбается и всем своим видом показывает, как ей все надоело. Марусе, наблюдающей со стороны, думается, что хозяин выглядит в этой мизансцене органично, а вот его скованная жена и кривляющаяся дочка – фальшиво, а когда понимает это, то в голову приходит и другая мысль: в этой квартире ненатурально абсолютно все. Картинка идеальной

семейки вдруг отдает дешевым целлулоидом, краски кажутся слишком яркими, а эмоции – в перехлест. Но Витальку все устраивает, и она не спорит, зная, как выглядит телевизионный сюжет.

Они прощаются и еще минут пятнадцать ждут запаздывающую героиню и ее отпрыска. Маруся остается караулить камеру, пока Виталька бегаёт в ближайший супермаркет за сигаретами. Пристроившись на качелях в виде плетённой корзины, Маруся лениво раскачивается, болтая ногами и думая о пляже.

Подоспевшую бабищу, взопревшую, со сбитой набок прической, отснимут минут за пять, большего для сюжета не требовалось. Подставив микрофон к её носу, Маруся радуется, что попросила героиню приехать к дому, а не потащилась к ней через весь город, теряя время. Сын бабищи, на вид мальчишка лет восьми, застенчиво поглядывает на репортеров и все время норовит спрятаться за мать.

– Я очень благодарна Сергею Владимировичу. Он человек с большой буквы. Если бы не его поступок, моего сына сейчас не было в живых! – отчеканит бабища. – Только такой человек мог героически броситься в пучину и вытащить захлебывающегося ребенка! Никто, абсолютно никто даже не заметил, что Максимка тонет! А он прыгнул прямо с моста! Там же высоко, он мог разбиться! Но не пожалел себя! Это настоящий мужской поступок! Побольше бы нам таких людей!

Она обнимает сына, который в объятиях мамы выглядел слегка придушенным. Маруся ободряюще улыбается.

–Максим, скажи «спасибо» Сергею Владимировичу за то, что спас тебя.

–Спасибо Сергею Владимировичу, что спас меня, – серьезно повторяет Максим и краснеет. Это выглядит милым, но Виталька кривится.

–Что? – недовольно спрашивает Маруся. – Еще дубль?

–Да. Неестественно как-то. И позвони ему, пусть выйдет. Снимем трогательную сцену объятий спасителя и спасенного.

–А не перебор?

–Людям нравятся сопли. Все обнимаются, все счастливы, мамаша пускает скупую слезу. Звони давай, я машину пока вызову.

Маруся звонит и с огромным трудом уговаривает героя своего сюжета спуститься к мальчику, что неделей ранее заплыл на середину реки на надувном матрасе, а когда тот перевернулся, едва не утонул. Но на его счастье на пешеходном мосту оказался учитель местной школы, который не раздумывая бросился вниз, спас мальчишку и даже не представился. Если бы не ролик в соцсетях, герой остался бы неизвестным. Однако спасителя быстро опознали как преподавателя истории Сергея Богаченко. И теперь поговаривали, что подвиг простого педагога не останется без внимания городской администрации. На фоне привычного летнего отсутствия но-

востей история педагога-спасителя взлетела в небеса. Соцсети разрывались от предположений, у Богаченко появится даже небольшой штат фанатов, раздобывших одно смазанное фото с пляжа, где он предстает перед отдыхающими в купальных шортах и оказывается весьма недурен. Каких трудов стоит редакторам уговорить его на сюжет, Маруся даже не озвучивает, закатывает глаза, и говорит, что проще было прошибить стену. Герой оказывается неуместно скромно и несговорчив.

Витальке со второго раза удастся снять приличную благодарственную речь спасенного Максимки и с первого – трогательную сцену объятий взрослого мужчины и мальчишки. К тому моменту вежливо улыбающаяся Маруся уже теряет к герою своего сюжета интерес. После прощаний, она забирается в машину прибывшего водителя и отправляется на монтаж. Через пару часов она выйдет из здания телестудии, сядет в маршрутку и уедет на пляж, выбросив учителя из головы. На пляже, подставив солнцу спину, она включит на телефоне музыку, отгородившись от мира наушниками, не подозревая, что очень скоро судьба вновь сведет ее с героем сюжета, заставив изменить мнение на прямо противоположное.

Школьный вальс крутят каждый год, и каждый год Алена не может разобрать ни одного слова, как ни старается. Она

дает себе зарок, что скачает эту навязчивую, как жвачка, песенку с интернета и прочтет текст, но каждый год забывает, потому что по большому счету это не имеет значения. Каждый год ее отвлекают какие-то заботы, свежие сплетни, новый облик давно не виденного одноклассника, запуганный новичок, что отчаянно храбрится после перевода в другую школу. Тут уже не до старой песенки. Но Алена вновь дает себе зарок, что хотя бы в этом году, в последний раз попытается понять, о чем же там поется. А еще ей хочется, чтобы звуковик нашел фонограмму попрличнее, или сменил колонки, ведь в этих кроме «бу-бу-бу» ни слова не разобрать. Инстинктивно прислушиваясь, Алена вроде бы начинает разбирать слова, пока линейка еще не началась, и звуковик пускает музыку для проверки.

«Когда уйдем со школьного двора под звуки нестареющего вальса...», – разбирает Алена и ей кажется, что эта песня совершенно неуместна первого сентября, но в этот момент Таня роняет на себя мороженое и матерится так, что выдавший виды грузчик заслушался бы и может, что-то законспектировал.

– Возьми, – говорит Алена и отдает ей упаковку влажных салфеток. Таня, шипя сквозь зубы, начинает оттирать юбку и злиться, глядя на заметное пятно.

– Надо замыть, – раздраженно говорит она.

– У меня минералка есть. Где ты сейчас ее замоешь? В школу не пустят.

—Давай минералку хоть... Черт. Пошли отойдем в кусты хоть, а то вон, Сидоров уже пялится и лыбу давит.

Сидоров, изрядно раздавшийся в плечах, невероятно рыжий, действительно глумливо улыбался. Подхватив Алену под руку, Таня тащит ее прочь от школьного крыльца. Сейчас там не происходит ничего интересного, а даже если бы торжественная часть и началась, она каждый год совершенно такая же, как и в прошлом, так что не стоит и время тратить.

Пока Таня, перекрутив юбку, отчаянно втирает жирное пятно в ткань, Алена стоит на стреме, следя, чтобы никто не увидел ничего неподобающего. Но на них никто не смотрит, все увлеченно разглядывают школьные ворота, куда с мигалками сопровождения въезжает машина мэра. Таня бросает туда же озабоченный взгляд, вытаскивает из упаковки новую салфетку и продолжает тереть. Алена вынимает из рюкзака пачку жевательной резинки и отправляет в рот две подушечки сразу, раскусывая их острыми белыми зубками. Не глядя, она протягивает жвачку Тане.

—Будешь?

Та трясет головой и придирчиво оглядывает юбку, которая выглядит почти пристойно. Неподалеку от них появляется мужчина в грязной клетчатой рубашке и джинсах с грязными коленями и бросает на них заинтересованный взгляд. Алена презрительно оглядывает его сверху вниз, и тот ретируется. Поглядев на школьное крыльцо, куда поднимается первое лицо города, Таня издает нервный смешок.

– Последний год, Аленка.

– Последний, – соглашается та и тянет подругу к школе. Таня послушно идет следом. – Думала, куда будешь поступать?

– Да ничего я не думала. Я вообще не хочу больше учиться. Какой смысл? Отдать очередной шараге пять лет для того, чтобы получать тридцатку? Я лучше буду блог вести, там можно полмиллиона в месяц получить, а то и больше. А, может, еще проще.

– Что может быть проще?

– Найду богатого мужика и буду содержанкой, – глубокомысленно отвечает Таня и по ней видно, что она не шутит. – На самом деле мужиков, готовых платить за секс, до фига. Вон, глянь на стоянку, сколько народу приехало на крутых тачках. Для них выкинуть столик и оплатить хату, как тебе кофейку попить. Согласна?

Алена машинально соглашается, не решаясь себе признаться, что ей давно опостылела полунищая жизнь в стремной квартире с родителями, занимающихся стремными делами, отчего откровенные заявления Тани кажутся едва ли не революционными. Но развивать эту тему она не решается, тем более, что они уже приблизились к толкающимся школьникам и, встав поодаль, смотрят, как мэр со сцены толкает проникновенную речь о необходимости получить образование, чтобы стать полноправным членом общества. В завершении своей речи, он приглашает к микрофону выдающе-

гося педагога, настоящего героя Сергея Богаченко, который рискуя жизнью спас школьника. Алена смотрит, как рядом с мэром появляется ее отец, ловит на себе любопытствующие взгляды, но делает вид, что ей все равно.

–Папашка у тебя, конечно, красавец, – негромко шепчет ей на ухо Таня. – Капитан Голливуд. Будь он богатеем и не будь ты моей подругой, я б с ним замутила. Черт, я б с ним замутила, даже если б он не был богатеем. Все, что меня тормозит, это ты.

–Дура ты, – шепчет Алена и хмурится. Шутка подружки не кажется ей смешной. Таня хохочет. Тем временем мэр на сцене объявляет, что Сергей Богаченко становится почетным гражданином города и вручает ему памятный знак, затем жмет руку. Алена видит, как улыбка на лице отца становится растерянной и вымученной, он протягивает мэру руку, словно хочет получить что-то еще, но тот лишь обменивается с ним рукопожатием, а потом какая-то соплячка в бантиках пролезает вперед и дарит отцу букет.

–Значок почетного гражданина – и всё? – хмурится Таня, смотрит на расстроенную подругу и пожимает плечами. – Даже премию не выпишут? Отстой. Вот и делай добро людям. Там же глубоко, он мог и сам не выплыть. Гос-споди, какое позорище! Если кто-то будет при мне тонуть, я даже пальцем не пошевелю.

Алена сознает, что на ее лице сейчас такая же жалкая улыбка, что у отца, и ей становится стыдно. Она зла, что отец

своим поступком привлек внимание к ее персоне, и теперь последний год ей придется с удвоенной энергией отбиваться от нападков одноклассников, которые и без того шпыняют учительскую дочку. Таня замечает ее настроение и тащит прочь.

За школой Таня достает сигареты и предлагает Алене, и та, хотя давала себе зарок не поддаваться на провокации, берет сигарету. Сейчас ей слишком плохо, чтобы отказываться от минутного удовольствия. Она прикуривает и выпускает вверх ароматный дым, в котором чувствуются нотки вишни и чего-то еще, сладкого и терпкого.

– Не парься, – говорит Таня. – Через два дня все забудут. Да и вообще никто не понял, что тут такого. Наоборот, будут говорить: Сергей Владимирович – крутой мэн.

– А толку то с его крутизны? – резонно возражает Алена. – Слышала, что мэр трындел? Надо учиться, учиться и еще раз «еще раз». Чтобы стать членами общества. Папа вон учился, и что толку? Сейчас мэр поедет в ресторан жрать ананасы, а папаша со своим значком наперевес – тетрадки проверять.

– Потому я тебе и говорю – в задницу это образование, – резюмирует Таня. На этот раз Алена соглашается с большим энтузиазмом. Они сидят на заднем дворе еще полчаса, до того момента, когда раздается первый звонок, после чего встают, отряхивают юбки и идут к парадному входу. Наперерез из кустов акации выходит тот самый мужчина в клетчатой рубашке. От него несет перегаром и давно не стиранными

вещами.

– Девчонки, закурить не будет? – говорит он.

– Топай, дядя, – отвечает смелая Таня и утаскивает Алену за собой. Ни та, ни другая не знают этого мужчину и не подозревают, какую роль он сыграет в их дальнейшей судьбе.

После торжественной линейки Сергей, войдя в школу вместе с другими учителями и школьниками, старательно удерживал на лице резиновую улыбку, чувствуя унижение. Собственно, никто не обещал, что после спасения ребенка ему непременно дадут квартиру или какую-то финансовую помощь. Никто об этом не заикался. Он сам повелся на разговор Виктора и... поверил. Поверил, хотя еще за час до линейки не думал о награде, как не думал о ней тогда, в погожий летний день, когда увидел в воде тонувшего мальчишку. Он, не раздумывая, бросился вниз, и только подлетая к воде подумал: только бы успеть.

Он успел. Уже на берегу, передавая перепуганного школьника в руки взрослых, Сергей был совершенно не готов к тому скандалу, что закатила жена, брошенная на мосту, перепуганная тем, что в середине разговора муж, без всяких объяснений, бросается к ограждению, взбирается на него и прыгает в реку, будто решив совершить самоубийство. На тот момент, когда он, мокрый, с хлюпающими водой туфлями, добрался до супруги, Дарья сидела в летнем кафе, бли-

жайшем от моста, на крайнем стуле с совершенно синими от страха губами. И когда Сергей начал жалко объяснять ей, что произошло, накинулась на него с такой бранью, которой он не слышал от нее никогда, хотя в последнее время...

В последнее время они часто ругались.

В битвах против Дарьи Сергею редко удавалось выйти победителем, поскольку его аргументы действовали слабо или не действовали совсем, хотя пятнадцать, десять, пять лет назад ему удавалось усадить ее напротив, злую, покрасневшую от ярости, и начать со слов: «послушай, давай посмотрим на эту ситуацию с другой стороны...» И все волшебным способом разрешалось. Он высказывал свои соображения, она – контраргументы, и к концу вечера они были уже не ссорящиеся супруги, а переговорщики, заинтересованные в скорейшем прекращении огня. Но тогда Аленька была еще маленькой, не превратившись в разменную монету в руках матери. Позже, после того, как Алене исполнилось тринадцать, и она вступила на взрывную дорожку переходного возраста, ссоры учащались, становясь все более ожесточенными. И однажды, после выброшенного Сергеем предложения все обсудить, Дарья вдруг резко ответила:

–Пошел в задницу! Просто пошел ты в гребаную задницу со своим гребаным психоанализом! Тошнит уже от твоих разглагольствований! Лучше б работу нашел нормальную!

После чего Даша забрала Алёну и уехала к матери дуться, оставив его беззвучно открывать рот от изумления. До

того работа никогда не была камнем преткновения. Да, учитель истории, да еще в школе, не бог вещь кто, но денег им хватало. Он думал, что хватало. К окладу добавлялись факультативы, репетиторство. Квартира, машина... Стабильная жизнь, которая враз дала трещину, заставив его сомневаться в себе, хотя он любил работу и, что бы там не говорила директриса, до сих пор первого сентября испытывал легкий трепет и волнение. Но оказалось, что денег не хватает, просто катастрофически, потому что дочь ходила в школу с несчастным андроидом, в то время, как в других давно были яблочные гаджеты, отдыхать ездила на дачу к бабушке и один раз в Турцию, а не на Мальдивы и Дубаи, как другие. И однажды, уже после той ссоры, когда Дарья дулась шесть дней и не разговаривала, взорвалась уже Алена, пристыдив отца за нищевродство. Что-то такое ей прилетело в школе, кто-то посмеялся, то ли над одеждой, то ли над телефоном, но после этого Алена рыдала весь вечер, отказалась ужинать и заявила, что в школу больше не пойдет. Дарья, что незадолго до этого вышла на работу в салон красоты, усугубила конфликт. С тех пор эта тесно спаянная парочка клевала отца в мозг, требуя все больше, и презирая его за нежелание променять школу на что-то куда более престижное. Но, надо признать, что им удалось сдвинуть его с мертвой точки, заставив на лето браться за риэлтерские услуги, для которых у него был заведен отдельный телефон. Так продолжалось ровно до того момента, когда он, сгорая со стыда, не встретил

родителей своего ученика, а те выговорили ему за «постыдное» занятие в следующем году, на первом же родительском собрании, когда он посмел сделать их чаду замечание.

Если бы продавать квартиры и дома Сергей мог так же виртуозно, как рассказывать о Римской империи и царствовании Ивана Грозного, он наверняка бы из принципа ушел из школы, хотя эта мысль и не нравилась. Но продажи шли ни шатко, ни валко, конкуренция оказалась высокой. Так что Сергей лишь изредка пытался что-то заработать на этой почве. Хуже всего было то, что квартира, в которой они жили, принадлежала родителям Дарьи. После смерти тестя, тещи, Дашина мама тоже сдала и нуждалась в постоянном уходе. Дашин брат, у которого жила теща, ненавязчиво намекал: после смерти родительницы квартиру надо будет делить по-честному. Так что намеки Виктора на вероятное получение квадратных метров неожиданно попали в больное место. До вручения этого совершенно ненужного звания, Сергей еще на что-то надеялся, и только после скользкого рукопожатия градоначальника понял: зря. На первом же уроке, дав школьникам возможность опомниться от начала занятий, Сергей вышел в интернет и почитал, что дает ему новый статус. Оказалось – ничего, кроме приглашений на городские торжественные мероприятия, даже бесплатный проезд не был предусмотрен.

«Ну и ладно, – уныло подумал он. – Не жили богато, нечего и начинать. Я же ни на что и не рассчитывал. Как жил, так

и буду жить!»

Но утешить себя почему-то не получалось. Сергей подумал, что лучше бы и не было этого пафосного поздравления с красиво упакованной дулей в финале. Хуже всего было то, что Аленка, что попадалась ему на переменах, старательно отворачивалась от отца, делая вид, что они незнакомы. Сергею казалось, что ей так же стыдно, как и ему.

Отведя занятия в первую смену, Сергей получил короткую передышку и подумал: стоит ли идти на обед в школьную столовую, где обедали коллеги, наверняка желающие обсудить с ним столь почетную, как им казалось, награду, или удовольствоваться прихваченными на всякий случай из дома бутербродами. Второй вариант казался более соблазнительным. Отложив в сторону конспект, Сергей с хрустом потянулся, встал и хотел запереть дверь, чтобы никто не помешал ему спокойно поесть, когда дверь отворилась, и в кабинет проскользнул худой мужчина.

– Добрый день, – вежливо произнес Сергей, метнув взгляд на открытый портфель и лежащие сверху бутерброды, завернутые в пищевую пленку. Ему показалось, что запах ветчины успел пропитать все вокруг, иначе чем объяснить, что вошедший хищно задергал ноздрями: – Вы ко мне?

– Ну так, – хмыкнул мужчина и сунул ему ладонь с грязными ногтями. – Здорово, Серега. Сколько лет, сколько зим...

Сергей машинально протянул руку и нахмурился. Где он мог видеть этого человека?

В облике гостя было что-то нездоровое и одновременно нечто знакомое, заставившее вздыбиться волоски на руке. Мужчине было лет сорок, а, может, все шестьдесят, сетка ранних морщин на опухшем испитом лице затрудняло определение возраста, седина давно не стриженных, довольно грязных волос также прибавляла несколько лет, как и неожиданная плешь на темечке, красная, как шапочка кардинала. От вошедшего за версту несло перегаром, грязной одеждой и застарелым потом давно не мывшегося человека, манжеты рукавов были абсолютно черными. Сергей даже удивился, как обычно бдительные охранники пропустили внутрь этого человека, даже отдаленно не похожего на родителя учащегося элитной школы. Вошел внутрь с толпой родителей? Но где пропал целых четыре урока? Сергей бросил взгляд на телефон: позвонить охране? Но человек назвал его по имени, причем весьма фамильярно. Мужчина заметил этот взгляд и криво усмехнулся, обнажив гнилые черные зубы.

—Что? Застремался со старым другом поручкаться? А когда-то вместе со всеми кричал: мы банда, мы банда! Да не очкуй, Богаченко, это я, дружбан твой.

Похороненное в глубине души воспоминание вдруг вырвалось на свободу и ударило Сергея под дых так, что он открыл рот и забыл вдохнуть, вглядываясь в покрасневшее от алкоголя лицо маргинала, в котором почти не угадывались знакомые черты старого друга, видеть которого он не планировал больше никогда.

–Славян? – недоверчиво произнес Сергей.

–Славян, – подтвердил гость и, сжав руку Сергея, потряс ей в воздухе.

Славка Попов, давний друг из прошлого, которое давно было погребено под слоем земли, выглядел плохо, словно только чудо заставило его протрезветь и продержаться в таком состоянии несколько часов. Душноватый сивушный выхлоп окутывал его фигуру, смрад распространялся по всему кабинету, впитываясь в стены. Пожимая суховатую лапу Попова, Сергей с трудом сдержал отвращение.

–Сколько лет, сколько зим, – безрадостно произнес он. – Садись, Слав. Когда виделись в последний раз-то? Даже не вспомню...

–Ну, еще бы, – усмехнулся Слава, обнажив на миг черные зубы, уселся за парту, которая была ему мала. – Вы с такими как я не видите. Ты вон большим человеком стал, с мэром здороваешься за руку, подарки от него получаешь.

–Да каким большим, Слав, – поморщился Сергей, уже догадываясь, что за этим неприятным визитом последует просьба денег и лихорадочно вспоминая, сколько у него есть с собой в бумажнике и удастся ли отделаться парой сотен. – Я простой учитель, сомнительная карьера так-то. Не бизнесмен, не олигарх, даже не чиновник. Обычная скучная жизнь. Ты-то как?

–Я-то? – оскалился Славка и хитро поглядел на Сергея. – Я-то в шоколаде, Богаченко, или по мне не видно? Вчера мэр заезжал лично, привез знак почетного гражданина. Но я его не принял. Рылом мэр не вышел со мной встречаться. Вот губернатор бы приехал, другое дело, или президент сразу, тогда да, тогда конечно. А мэру я дверь даже не открыл.

–Слав, что ты хочешь?

–Я-то?

–Ты-то, – раздраженно ответил Сергей, с сожалением думая, что его бутерброды провоняют застарелой грязью и потом. – У меня перемена скоро закончится, так что излагая внятно, чего тебе надо?

Слава наклонился вперед, и Сергей отпрянул, сморщившись от вониз его рта.

–Что, побрезговал? – презрительно спросил Слава. – Надо же, каким ты неженкой стал, не то, что раньше, когда на мокруху шел.

–Я никогда не ходил на мокруху, Слав, – ответил Сергей, с трудом сдерживая желание смазать по этому опухшему лицу.

–Да ну? Видать что-то с памятью твое стало? А я вот все хорошо помню. И про жмура, и по то, как драпали все вместе, и про клятву ртов не раскрывать, да вместе держаться до самого конца. Только вы как-то быстро обо всем позабыли, бросились бабло стричь, а меня оставили в полной заднице. Не так скажешь?

–Слав, мы тебя за уши должны были тащить? Рюмку и рук

выбивать? Двадцать лет прошло...

– Двадцать пять!

– Двадцать пять, – согласился Сергей, чувствуя, как закипает от ярости кровь. – Что мы можем для тебя сделать? Сохранить до конца дней, наливать, потому что ты свою жизнь профукал?

Слава побледнел, его глаза налились кровью.

– Я вас тогда вытащил! – прошипел он. – Я! Тебя в частности. Тащил прочь, пока ты нюни распускал. Я сказал, что дальше делать, пока вы ныли, блевали и канючили: Славян, помоги, ты же опытный, у тебя батя сидел... Если бы не я, вас бы замели в первый день! Вы же меня выбрали в предводители тогда, потому что батя – урка. И если бы что случилось, вы б меня и сдали!

– Не сдали бы.

– Неужели?

Он часто задышал и обшарил кабинет торопливым взглядом, облизал губы, будто умирал от жажды, а, может, и действительно умирал. Сергей ждал, чувствуя нарастающую тревогу. Этот немый пропойца, явившийся с обвинениями давностью в четверть века, мог изрядно испортить ему жизнь просто не вовремя открыв рот. Сергея по-настоящему напугало, что он, за давностью лет, давно потерял из виду старых приятелей, повязанных не самыми приятными воспоминаниями, а вот Попов, как оказалось следил за ним, явившись на линейку. Или же это произошло только из-за

внезапно свалившейся на голову популярности? И значило ли это, что Попову известно только местонахождение одного из еще четверых подельников давней истории, что так скверно закончилась? Если Слава знал только где найти старого друга Серегу Богаченко, дело предпринимало дурной оборот. Этот алкоголик намеревался доить его ровно столько, сколько хотел. И в настоящее время Сергей даже не знал, как ему отказать. Часы все тикали, до начала урока оставалось всего ничего, а опустившийся алкоголик все не уходил, лишь сопел, и смотрел набычившись, словно собирался броситься Сергею в горло.

Облизав губы, Слава решил и веско произнес:

–Я тут подумал и решил: за вами должок.

–С чего бы?

–С того, что я сказал. Мне, Серега, терять нечего. Мне жрать нечего и жить негде.

–И в долг не наливают больше?

–Завали хлебало! – разозлился Слава. – Значит так: гони полтос сейчас, и еще полтос в следующем месяце. Хватит на вас богу молиться!

Глядя на это ничтожество, что изрыгало визгливым голосом свои требования, Сергей почувствовал, как первый шок и испуг растворяется, и теперь его переполнял гнев. Вскочив из-за своего стола, он схватил Славку за грудки и поволок к дверям, сломив его жалкое сопротивление. Славка, вытаращив глаза, упирался ногами, цепляясь за руки Сергея и впи-

ваясь ногтями в кожу, его щеки раздулись, отчего он стал похож на подыхающего бульдога. Впечатав почти безвольное тело в дверь, Сергей под ошеломленные взгляды учеников, выволок Славку в коридор. Распахнувшаяся дверь бахнула о стену с пушечным грохотом. К ним уже спешил охранник, но, не обращая на него внимания, Сергей все тащил забулдыгу-приятеля к выходу, а тот хрипел и все норовил обмякнуть, выскальзывая из рук историка.

–Сергей Владимирович, помочь? – крикнул охранник издали.

–Справлюсь, – пробухтел Сергей, подтащил Попова к выходу и выволок наружу. Там, придав ему ускорения, Сергей сволок его по лестнице на тротуар и, швырнул на асфальт. Попов приземлился на землю, как дохлая жаба, ахнув от боли. Подойдя ближе, Сергей пнул его в тощий зад.

–Значит теперь слушаю сюда, – угрожающе сказал он. – Больше мне не попадайся. Еще раз увижу – урою, понял?

Слава не ответил. Сергей постоял рядом с ним пару мгновений и направился внутрь школы, поймав на себе любопытствующие взгляды охранника и коллег, зацепил взволнованные мордочки школьников, что с интересом смотрели на драку. Войдя внутрь, Сергей подавил желание оглянуться и проверить, как себя чувствует его давний друг. В классе он оказался уже после звонка, проигнорировав любопытство поднявшихся учеников. Встав у доски, Сергей слабо улыбнулся, хотя его еще потряхивало, и хорошо поставленным

голосом произнес:

–Здравствуйте, ребята. Садитесь. Начнем урок. Итак, сегодня мы рассмотрим с вами Средневековую Европу. Записывайте: Римская империя, устройство деревень, переселение народов и расслоение общества...

Сергей не смотрел в окно и не видел, как внизу, под окнами школы стоит Попов и шарит глазами по окнам, пытаясь найти нужное, а если бы Сергей увидел его, то мог бы прочесть по губам отвратительные ругательства и сухое обещание отомстить.

25 лет назад

Петровский рынок – самое лучшее место для любого подростка для того, чтобы спрятаться от внешнего мира и остаться в полной безопасности и под защитой от внешнего мира, где до тебя нет дела вечно озабоченным проблемами взрослым, готовых в любой момент накинуться с нотациями: почему ты не в школе, где твои родители и почему ты шляешься в опасной близости от прилавков со всякой всячиной. Рынок, городская мозоль, на тот момент самое посещаемое место, кроме парка развлечений, но там бесплатно на каруселях не покататься, бабки билетерши нещадно гоняют и, если что зовут на помощь блюстителей закона, еще не переименованных в полицию. А те рады поглумиться, чтобы вытрясти

хоть каких-то денег из беззащитных подростков. Времена еще лихие, страна только-только оправилась от путча. На рынке торгуют турецким и китайским шмотьем, заморскими сластями и выпивкой, в обменниках бойко идут в ход доллары, а в воздухе отчетливо витает голодный запах свободы.

Конец сентября. Сережа Богаченко, Слава Попов, Володя Вершинин и Коля Безуглый сидят в крохотной шашлычной, где взяли две палки шашлыка на четверых, и косятся на взрослых, что преспокойно пьют пиво. Мальчишкам по пятнадцать лет, пиво им не продают, разве что очень сильно попросить, ведь до их моральных качеств продавцам нет дела, но на выпивку нет денег. Они надеются, что их пятый товарищ принесет спиртное, но тот запаздывает. Мобильных телефонов, современного и почти естественного продолжения руки каждого жителя Земли XXI века еще нет, а с таксофона они звонили уже дважды, оба раз нарвавшись на мать Саби. Саби Бебусенов, казах, золотой мальчик, с которым очень выгодно дружить, потому что у него есть денежки, но даже без них он отличный парень. Саби, маленький, худенький, как тростинка, и немного женственный, влился в компанию в конце зимы, после переезда, напуганный новой школой и городом, а еще тем, что ему пришлось столкнуться с мелкопакостным расизмом одноклассников. То, что он оказался в компании уверенных в себе парней стало невероятным везением, которое Саби спешил отрабатывать мелкими податями вроде денег и вкусняшек. Отец Саби – стоматолог, у него

золотые руки, и недостатка в подношениях нет. Сабби может вытащить из дома любой элитный алкоголь, и никто не заметит, потому что отец, как истинный мусульманин, не пьет спиртное даже в компаниях.

Пока они ждут, Славка, косясь на взрослых, излишне громко, со смачными деталями излагает почти правдоподобную историю про то, как переспал со студенткой-третьекурсницей, употребляя такие слова как «буфера» и «драл». Володька, самый плотный из них, жует жесткую свинину и слушает, иронично подняв одну бровь, что означает: так я тебе и поверил! Коля смотрит в окно и глотает слюну, потому что во рту пересохло, и он хочет пива. Сергей пристроился на самом краешке стола и возит своим кусочком мяса по тарелочке с кетчупом. У него грязные пальцы, и он хочет вытереть их, но салфетки кончились, отчего ему приходится украдкой вытирать руки о штаны. Сергей не любит шашлычки, в них темно и невозможно поговорить нормально, но на улице дождь и сильный ветер. Как вариант, можно снова пойти в какой-нибудь подъезд, но они и без того постоянно тусуются в подъездах, откуда их с завидной регулярностью гонят. Но сейчас их вытолкают и отсюда, потому что как бы медленно они не ели мясо, оно кончится, и придется освободить столик.

С Колькой Сережа знаком давно, с самого детства, сидели можно сказать, на одном горшке в детском саду, потом пошли в один класс. Года через два в их дуэт плавно влил-

ся и Володька Вершинин, полноватый, флегматичный, с блестящими способностями к математике. Колька особыми способностями не блистал, списывая домашку то у одного приятеля, то у другого. А классу к шестому главный хулиган класса – Славка Попов, чья притягательность измерялась количеством отсидок его отца, снизошел до кучки ботаников, осознав, что ни, в общем-то нормальные пацаны, после чего полностью подавил их сопротивление, сделав своей свитой. Успеваемость мальчишек ползла вниз, как и оценки по поведению, родители безуспешно пытались оградить детей от влияния трудного подростка, но потом смирились и махнули рукой, мрачно предсказывая, что он втянет их в историю. Сейчас, слушая пошлое вранье Попова, Сережа думает, что родители не так уж ошибаются, и впервые за несколько последних лет ему не хочется находиться здесь. Но дома тоже нечего делать, кроме уроков, или просмотра телевизора. Можно взять напрокат кассету и в очередной раз поглядеть «Терминатора» или «Чужих», все лучше, чем торчать тут, потому что все это уже слышали не один раз. Сережа уверен, что Славка, что бахвалится своими успехами, даже не знает с какой стороны подойти к девушке, не то, что уложить ее в койку.

– Ну вот, – продолжает Слава. – Дело доходит до самого главного, и я тут понимаю, что у меня нет резины, а становится папашкой мне как-то неохота. Девка попалась огонь, и пока я пытался ее развести на минет, она засунула руку

мне в штаны и давай там шурудить, да так ловко, что я прямо чуть не ой! Прямо как пацан!

– Чуть не ой? – уточняет Володька с набитым ртом. Под шумок он подъял свою порцию и подобрался к Колькиной, пока тот, с разинутым ртом не слушал рассказы товарища. Истории Славки всегда такие реалистичные, хотя правды там процентов пять, и максимум, что происходило с ним и этой девицей, так это случайная встреча в подъезде. Славка смотрит на Вову с неодобрением.

– Чего тут непонятного?

– Да все понятно. Ну, короче, ты чуть не ой, и что было дальше?

Володька подмигивает, и с этого момента понятно, что вся Славина история – полнейшее вранье, но он не намерен сдаваться.

– И когда я понял, что она хочет, прямо как мартовская кошка, я повернул ее спиной, задрал юбку, лезу в трусы, а там прямо таки бабушкины рейтузы! Чуть ли не с начесом! И это в такую жарень!

Колька хохочет. Взрослые и официантка оглядываются на них с гримасами недовольства.

– Хорошо хоть меня не смутить такой ерундой. Но тогда я впервые подумал о разнице в возрасте. Может я этот... как его...

– Геронтофил, – подсказывает Володька. Колька захлебывается в смехе, подвывая и всхлипывая. Следом за ним на-

чинает ржать в голос Славка и Володька. Не смеется только Сергей, замечая через стекло, как к кафе торопится знакомая щуплая фигурка. Пока Сергей смотрит, как Саби, бережно прижимая к груди непрозрачный пакет, к столику подходит официантка и недовольно просит их уйти или заказать что-нибудь еще. Славка собирается спорить, но Сережа опускает руку на его локоть и кивает в окно. Славка комкает салфетку и демонстративно бросает ее мимо урны, разве что не плюет на пол. Под яростным взглядом официантки друзья вываливаются в сентябрьскую хмарь.

–Принес? – деловито спрашивает Слава и Саби кивает, потрясывая пакетом, а потом озабоченно добавляет:

–Надо бы лимон купить.

–Зачем? – спрашивает Володька. Саби воровато открывает пакет и показывает бутылку с надписью «текила».

–Ее надо с солью и лаймом.

–Что такое лайм? – осведомляется дремучий Славка.

–Это вроде лимона, только маленький и зеленый, – поясняет Саби и, если сумерки не обманывают, он краснеет, как девушка. – Только у нас дома лайма не было, а соль я взял.

–На рынке тоже нет лаймов, я никогда не видел, – добавляет Сережа. – Может, ну его? Так выпьем.

–Положено с лаймом, будем с лаймом, – решительно заявляет Славка и направляется к павильону с фруктами. На вопль Володьки, он машет рукой, мол, идите, догоню. Они пожимают плечами, делают пару шагов в сторону, но не ухо-

дят и мнутя около выхода, пока не видят его, стремительно улепетывающего прочь. За ним выскакивает замотанная в пуховый платок баба, разразившись трехэтажным матом.

– Ходу! Ходу! Ходу! – орет Славка, и они бегут прочь, хоча от собственной ловкости и могущества. В руках Славки зажат желтый лимон. Перебежав дорогу, они устремляются в парк, уже закрытый, но гулять там никто не запрещает, не работают лишь аттракционы. В старом парке, где за ненадобностью стоят собранные со всего города статуи забытых вождей пролетариата, есть масса укромных мест, сломанных скамеек и аттракционов, вышедших из строя, где можно разместиться с определенным комфортом, пока их не вывезли на городскую свалку, как хлам. Фонари горят не везде, друзья инстинктивно выбирают тропинки потемнее с выщербленными пластами плитки, куда точно не сунется патруль, чтобы не огрести по первое число. На первой полянке, где темные статуи глядят безглазыми ликами в никуда, уже занято, и друзья идут дальше, вглубь, где остались качели-лодочки с оборванными цепями. Здесь им везет. В лодочках пусто, от ветра закрывают облетающие кусты акации и стена брошенного кафе. Немного пованивает мочой и сыростью, но на эти мелочи можно закрыть глаза. Они забираются в одну лодочку, усаживаясь напротив друг друга: Коля и Володька на одной лавке, Саби, Сергей и Слава – на противоположной.

– Ножа-то нет, – сетует Слава. – Чем лимон порезать?

–Так кусать будем, – решительно отвечает Володька и протягивает руку Саби. – Давай.

Тот протягивает пакет, в котором звякает. Володька удивленно присвистывает: Саби прихватил две бутылки.

–Кучеряво, – говорит Володька и ловко сворачивает пробку. – У меня текилу даже родаки не пробовали поди. Буду первым... Погоди, а пить из чего? Ты стаканчики не взял?

–Я не догадался, – конфузится Саби и опускает голову. – Я подумал, что кто-то возьмет...

–Думал он, – передразнивает Славка. – Ты же бухло нес, надо было и о таре позаботиться... Всему вас надо учить.

Саби бормочет что-то под нос. Сергею кажется несправедливым этот наезд на человека, который только что притащил им элитное пойло, которого они никогда не пробовали, и он велит Славке отвянуть, и тот послушно отстает.

–Из горла бухнем, – объявляет Володька. – Будем по кругу передавать. Как ее правильно пить-то? Лизнул, куснул, бухнул?

–Лизнул, куснул, бухнул, – подтверждает Саби и смеется. Володька шарит в пакете, вынимает кулек с солью грубого помола, сыплет себе щепотку в рот, кусает лимон, кривится и делает щедрый глоток из горлышка, кашляет и отфыркивается, морщась от крепости.

–Зараза! – кричит он. Все смеются, а он передает бутылку дальше, после чего процедуру повторяет Коля, за ним Сергей, Славка и Саби, но Сергею кажется, что Саби только де-

лает вид, что пьет. Когда он подносит бутылку к губам, его горло остается неподвижным, кадык не двигается, хотя Саби старательно морщится и кряхтит, утираясь рукавом, подражая друзьям. Володька, кажется тоже замечает эту хитрость, но не вмешивается, все понимая: Саби мусульманин, ему нельзя... Он и шашлыки из свинины не ест, только делает вид, чтобы никого не обидеть. Все это замечают, подсовывая ему курятину, но внимания не акцентируют, потому что так и поступают настоящие друзья. Бутылка ходит по кругу, и понемногу алкоголь под хилую закуску в виде лимона забирает их. К открытию второй бутылки лимона не остается. Мальчишки продолжают солить руку, но потом отказываются и пьют просто так, хотя их уже мутит. Но отказаться сейчас – это признать, что ты еще маленький, а этого никому не хочется. Пару раз мимо проходили патрули, бросая взгляды на сломанные лодочки, но даже если и замечали подростков, не подходили.

–Ох, хорошо, – говорит Славка. – Умеют же за бугром бухло делать. Хорошая вещь, забойная.

–Ага, – поддакивает Колька. –Когда разбогатею, буду пить только текилу. Ну и дорогой коньяк.

–Разбогатеешь ты, как же, – мрачно предрекает Сергей и Колька вздыхает. Его родители пашут на заводе и вот уже пару месяцев не получают зарплату. Как и родители Сергея, что вкалывают там же.

– С нашей жизнью разбогатеешь. Надо в бизнес идти, что-

бы бабки были. Или в рэкет, как в девяностые, только сейчас уже все поделено переделено и под ментами ходит, – поясняет Славка. – То есть надо идти в менты или еще какие силовики, ФСБ, например. Они точно в шоколаде все.

–Тебя в силовики не возьмут с такой биографией, – возражает Володька.

–Не возьмут, – уныло соглашается Славка. –Черт, это же несправедливо! Может, я хочу быть ментом, переводить бабок через дорогу и раскрывать преступления, как Дукалис. А мне не дают. И что остается? В бандюки идти?

–А ты хочешь? – спрашивает Сережа, заплетающимся голосом.

–Я хочу красиво жить, Серый. И меня тошнит от той нищеты и прочего дерьмища. Я хочу пить текилу, летать в заграницы и чпокать самых крутых телок мира. Где справедливость? Кто-то сейчас вон жирует, бабок немеряно, баксы и рубли, золотишко, цацки, тачки, а мы тут сидим в холоде и сырости. За что им то все? И почему у нас нет ни хрена? Я бы прямо сейчас встал и забрал то, что у них есть и честно поделил.

–Честно – это как? – уточняет Сергей.

–Честно – это чтобы все мне, – поясняет Слава и гаденько ухмыляется, и все, кроме Сергея ржут от такой интерпретации честного дележа. Он тоже смеется, частично чтобы не показаться снобом, а частично, что под текилой ему это и правда кажется забавным. Они гогочут так громко, что сами

шикают друг на друга, но от этого становится только смешнее. Сабби смеется вместе со всеми, а потом, спохватывается и округляет глаза.

–Ой, ребзя, я ж совсем забыл. Гляньте, что покажу! У меня вон что есть!

Все смотрят на то, как он задирает свитер, обнажая рукоять заткнутого за пояс пистолета.

Глава 2. Благонадежный гражданин

Не успев подняться в квартиру, Тамара Царёва почувствовала, что ничем хорошим ее смена не закончится, но деваться было некуда. Как подшучивал один из оперов, с коим ей постоянно приходилось пересекаться на убийствах: назвался гвоздем, полезай в пузо. Вот и она вечно лезла, вольно или невольно, стараясь удерживать зыбкую планку раскрываемости следственного комитета, получая нагоняй от начальника за то, что ее показатели в кривой синусоиде то и дело переходили из свободного падения в крутое пике. При этом с завидной стабильностью следователю Царёвой поручали дела скользкие, с большим количеством неизвестных, «интересные», как говорил ее шеф. Сама же Тамара после тридцати пяти от таких дел старалась увильнуть, потому что престиж престижем, но за раскрытие бытового убийства дадут премию, а за нераскрытую мокруху с участием заезжих гастролеров или местных чинуш – втык, и никакого тебе отгула.

Размышляя об этом, Тамара невольно напевала сладким голосом:

–А если нет разницы, зачем платить больше?

Вот и сегодня, у дома из вполне себе приличного жилищного комплекса, Тамару кольнуло недоброе предчувствие, что убийством будет сильно не простым.

Войдя, она привычно царапнула взглядом по висящей видеокамере, отметила отсутствие консьержа и пошла к лифту, из которого уже вывалилась мамаша с коляской и упитанной девочкой на буксире. Девочка, кучерявая, с большим, криво завязанным бантом, поглядела на Тамару сонным взглядом, а потом вдруг сощурилась и растянула рот в улыбке, обнажив щербину от выпавшего зуба. Тамара почувствовала, как кольнуло в животе. Не ответив на улыбку, она вошла внутрь и нажала на кнопку девятого этажа.

В квартире уже суетились эксперты, обрабатывая поверхности порошком для снятия отпечатков. Тамара захлопнула дверь локтем, быстро огляделась по сторонам, отметив дорогой дизайнерский ремонт, который не получается делать своими силами, недешевую мебель и элементы декора, кивнула знакомым операм, что вяло и без интереса копались в вещах. Из гостиной, подняв кверху руки в резиновых перчатках, вышел криминалист Тарас Поседько, криво улыбнувшийся вошедшей.

–Ба, царица Тамара! – сказал Тарас, плохо имитируя восторг. – Снова вместе, снова рядом... Как там дальше?

–Ночь дает нам все права? – предположила Тамара. Тарас сморщился:

–Не, это какая-то другая песня. Пошли, на клиента по-смотришь, пока не увезли.

Он быстро сбился с язвительности на дружеский тон, что всегда случалось с ним, когда он общался с тем, кто был ему симпатичен, а если это женщина, он почти заигрывает. У него даже лицо менялось, уголки глаз разглаживались, а в голосе появлялось человеческое тепло, напрочь улетающее в общении с рядом коллег и начальством. Как-то Тамаре пришлось наблюдать Тараса в суде, и она мельком отметила, что в таких случаях, его фразы похожи на забиваемые в дерево гвозди: холод металла и четкость, без лишних эмоций, ни капли сомнений, непререкаемый авторитет.

–Причина смерти? – спросила она.

Тарас привычно пожал плечами. Даже если причина смерти была очевидна, он не спешил делать каких-либо выводов. Была в его юности какая-то неприятная история, раз и навсегда отучившая его от какой-то скоропалительности.

–Предварительно – огнестрел. Одна пуля прямо в лоб. Прошла навывлет, ребята ее из стеночки выковыряли. Гильзу нашли, 9 миллиметров, скорее всего ПМ. Стреляли с очень близкого расстояния, почти в упор. Судя по характеру брызг, жертва упала с высоты роста, ударилась затылком о тумбочку, есть отчетливый след удара.

Тамара вошла в гостиную и посмотрела на покойника.

Мертвецом был мужчина лет сорока, или чуть старше, маленький, сухой азиат, хотя по азиатам ей было сложно определить возраст навскидку. На восковом, словно стекшем вниз лице – потеки крови из дыры во лбу, а щеки, как ей показалось, были в пороховой гари. Лицо показалось Тамаре знакомым. Покойник был одет в спортивные штаны и зеленую майку, на вывернутой левой ноге остался тапок, второй валялся поодаль. На светлой телевизионной тумбе действительно виднелся кровавый смазанный след.

–Орудие убийства? – спросила она. Тарас посмотрел на нее со странной гримасой.

–Я не видел, но ты у оперов спроси. Они там по квартире его искали.

–Спрошу, – вяло сказала она и пошла прочь, но Тарас придержал ее за локоть.

–Ты как вообще?

Она хотела спросить, что он имеет в виду, но лишь кисло улыбнулась.

–Нормально.

Тарас сочувственно улыбался, отчего ей хотелось вспыхнуть и наорать, что она не нуждается ни в чем понимании, что она железобетонная, стальная, и перенесенное ею вымученное страдание давно в прошлом, но сказать ничего не так и не смогла.

–Том, ты заходи к нам что ли? – сказал Тарас. – Ларка будет рада, все лучше, чем одной сейчас.

– Хорошо, – процедила она обещание, которое не собиралась выполнять. – Я зайду. На днях. Разгребу все и зайду. Посидим, выпьем, мне же теперь можно...

Последнюю фразу она произнесла с едкой горечью, но Тарас лишь кивнул, без обиды, все понимая. И от этого сочувственного понимания у нее опять свело живот, как там, внизу, под взглядом кучерявой девчушки, такой, которой у нее уже никогда не будет. Криминалист отпустил ее рукав, и она двинулась на кухню, где сидел знакомый опер Вася Татариннов, худой, слегка скособоченный, предмет насмешек в отделе за то, что красил волосы в черный и прикрывал длинными прядями раннюю плешь. Тамара, кстати, никогда не смеялась. Ну, лысеет мужик, что тут поделывать? Ну, красит волосы, потому что в тридцать четыре уже седой. Вася поднял глаза от протокола.

– Привет, Тамара.

– Привет, Вась. Кто у нас убиенный?

Она сказала это довольно сухо, чтобы не повторилась история с сочувственными интонациями, которое ей нужны были меньше всего после болезненной схватки, обморока, яркого света на операционном столе, который она видела даже после наркоза и осознания, что так ожидаемого ребенка у нее отняли навсегда. Вася, столь же чуткий, эту перемену уловил и потому удержался в рабочих рамках.

– Бебусенов Саби Ержанович. Врач-косметолог из клиники «Афродита МедПлюс». Недешевая контора, весь наш бо-

монд нам морды подтягивает да сиськи делает. Я про Бебу-сенова слышал, говорят, светило, золотые руки.

–И я слышала, – призналась Тамара. – У них там цены на процедуры как на самолет. Говорят, даже из столицы к ним мотаются. Чего ж он в столицу не переехал.

–Вдовица сказала – собирались.

–Вдовица? Ты ее уже опросил?

Вася кивнул и махнул подбородком куда-то вбок.

–Она в спальне. Ей плохо стало, поначалу еще держалась, а потом уплыла, Тарас вколол ей чего-то успокоительного. Труп, кстати, она нашла. Пришла домой, а там вот такая история.

Тамара подумала, что «кстати» в этой аналогии совершенно неуместно. Труп тяжело найти «кстати», он не гриб, не кошелек, и уж никак нельзя кстати найти труп собственного мужа. Подумав об этом, Тамара вновь почувствовала грызущую боль в животе, поморщилась и отогнала фантомный, или кажущийся фантомным спазм усилием воли.

–Пистолет не нашли?

–Ищем. Но думаю, что не найдем, во всяком случае, я в квартире. Я ребят отправил обшарить мусорки вокруг, но честно говоря не надеюсь.

–Ограбление?

Вася пожал плечами.

–Замки не сломаны. Вдовица говорит, дверь была открыта. Она сунула ключ, тот не повернулся, нажала на ручку,

вошла и увидела труп, вызвала полицию. Деньги на месте, кредитки и цапки тоже, во всяком случае, не первый взгляд. В доме есть что взять, но похоже, что ничего не искали. Мне почему-то кажется, что шли убивать целенаправленно, и покойный убийцу знал. Следов борьбы нет, соседи ничего не слышали. Но мы еще не всех обошли.

–В котором часу его убили?

–Тарас говорит, между полуночью и тремя, но это он, конечно, на глазок. Странно, однако, потому что ночь, тишина, кто-то должен был услышать выстрел. С глушаком что ли стреляли? Так его тоже порой слышно, сама знаешь... Это же не американское кино.

Тамара поглядела на настенные часы и оглянулась на двери.

–Сейчас одиннадцать утра... Когда вдова мужа-то обнаружила? Она что, дома не ночевала?

–Говорит, не ночевала. Муж накануне выпроводил ее к родителям.

На этих словах Тамара сделала стойку, как охотничья собака. Вася поглядел на нее и кивнул.

–Ага, – сказал он. –Мне тоже это показалось подозрительным. Она сказала, что муж словно чего-то опасался, нервничал в последнее время и все время куда-то звонил. Сказал, что должен с чем-то разобраться.

–Думаешь, ее можно допросить? Хотя, она под препаратами...

Вася пожал плечами.

– Я бы ее в отдел отвез, – посоветовал он. – Заодно и смы- вы с ладоней взял, нет ли на них пороха. А то мало ли, мо- жет она киллер на полставки. Или муженька с любовницей застукала, шамальнула, а ствол в мусоропровод.

– А любовницу – туда же?

– А чего? Вполне рабочая версия. Что у нас, впервые жена мужа за измену на винегрет шинковала?

– Не впервые, – согласилась Тамара. – Но на моей прак- тике я еще не встречала бабы, что так ловко шамалает мужу прямо между глаз. Она, кстати, кто по жизни? Работает?

– При таком муже и деньгах? Не смехи. Владеет салоном красоты, а уж работает она там или кассу только снимает, это я пока не скажу. Видишь какой тут семейный подряд: муж бабам морды штопает, жена их штукатурит. Им бы еще похоронное агентство открыть для пущего эффекта, чтобы завершить картину...

– Агентство у нас тоже есть, оно на брата записано, а управляем мы, – донеслось от дверей. Тамара оглянулась. Хозяйка, невысокая, полная азиатка с гримасой горечи на лице, облаченная в дорогое платье, подпирала дверной ко- сьяк и глядела на гостей без всякого выражения. Поглазев на полицейских пару мгновений, хозяйка подошла к мойке и потянулась к чашкам.

– Не трогайте, – взвился Вася. – Тут эксперты еще не ра- ботали.

Хозяйка замерла и опасливо одернула руку.

– Я пить хочу, – прошептала она.

– Присядьте, – участливо попросила Тамара. – Сейчас я вам налью воды. И простите нас за сказанное.

Хозяйка не ответила, горестно опустив голову. Тамара увидела, как по ее щекам покатались две слезинки, но она торопливо смахнула их и вновь подняла голову. Тамара вынула из шкафчика самую дальнюю чашку, налила воды и подала хозяйке, и та жадно выпила.

– Я вам не представилась, – сказала Тамара. – Я следователь Царёва. А вы?

– Бебусенова Альмира Сапаровна, – ответила хозяйка. – Жена. Или, как вы уже тут сказали, вдова.

– Альмира Сапаровна, примите наши соболезнования. Сами понимаете, подобные преступления надо раскрывать по горячим следам, поэтому расскажите, что вы знаете, – попросила Тамара, раскрывая папку с протоколами. Бебусенова с минуту глядела на столешницу, а потом негромко, но обстоятельно начала рассказывать. Тамара кивала и записывала.

Несколькими днями ранее ее муж, Саби, встретился с каким-то типом в своей клинике. Альмира застала лишь самый финал, когда мужчина выходил, изрыгая проклятия, а муж, выскочивший следом, был бледен и встревожен. Увидев жену, Саби свел все к нелепости, на вопрос, кто был этот дурно пахнущий и бедно одетый мужчина, Саби сказал, что это

бывший одноклассник, опустившийся алкаш, который хотел одолжить денег.

– Ваш муж сказал, как его зовут? – спросила Тамара.

– Нет, – помотала головой Альмира. – А я не спросила, Саби явно не хотел об этом говорить, было видно, что ему оказалась неприятной эта встреча и он все время о ней думал, даже дома. Я пару раз просыпалась ночью и видела, что он не спит, сидит на балконе и курит.

– Это было необычно?

– Саби всегда спит... спал как младенец, очень уставал на работе, – пояснила Альмира. – Он мог в восемь вечера уснуть и спать до полудня после операции. И курить он давно бросил. Я даже спросила, что происходит, но он не ответил, сказал только, что надо с ребятами переговорить.

– С какими ребятами? – спросила Тамара. Альмира дернула плечами.

– Не знаю. Он кому-то звонил... Может, одноклассникам?

– Вы их знаете?

– Нет. Ну, точнее, я знаю о двоих, но Саби с ними не общался. Он вообще мало с кем общался из детства. Говорил, что в школе его не особо жаловали после переезда, он уже в восьмом классе город сменил, почти ни с кем не успел познакомиться. Разве что с Владимиром Вершининым.

– Это кандидат в мэры? – уточнил Вася. Альмира кивнула.

– Да. Они иногда встречались на мероприятиях, здоровались, но так... прохладно, будто бы не хотели общаться. А

потом по телевизору я увидела еще одного, забыла, как его зовут, учитель, который прыгнул с моста и спас ребенка. Сабби сказал, что это его друг детства, учились в одном классе. Вроде бы даже гордился им. Сказал, что он – самый нормальный и всегда таким был. Я еще посмеялась, спросила – разве не ты был самым нормальным? А он ответил с такой злобой и горечью, что всегда был их шавкой и должен был заслужить свой кусочек мяса. Больше я эту тему не поднимала.

– Вам не было любопытно? – влез Вася, пока Тамара старательно не вписывала в протокол сведения об одноклассниках. Альмира поглядела на него с неожиданной злостью.

– Мне – было, – веско сказала она. – Мне не было все равно, если вы об этом. Но я из традиционной мусульманской семьи, и должна подчиняться мужу. А Сабби был золотым мужем. Он меня любил, обеспечил такую жизнь, о которой я и мечтать не могла. А какой он врач! На него в клинике буквально молятся!..

Она вдруг задохнулась, схватила чашку и жадно допила воду, а потом, булькнув, разрыдалась. Оставив ее успокаиваться, Тамара вышла к оперативникам, спросив не нашли ли они пистолет и телефон покойного. Получив отрицательный ответ, она заглянула к Васе, что пытался получить еще какие-то ответы от рыдающей Бебусеновой и кривлянием выманила его в коридор.

– Вези ее к нам, – приказала она. – Здесь я из нее уже не

выжму ничего.

– Хорошо, – согласился Вася. Тамара развернулась и пошла к дверям, но на пороге остановилась и поглядела Васе в глаза.

– Не знаешь, у них есть дети?

– Двое, – ответил Вася. – Учатся в Москве. Думаешь, надо сообщить?

Тамара покачала головой и вышла, думая, что сейчас ни за что не взялась бы сообщать детям о смерти отца. Как и родителям о смерти ребенка. Когда угодно, только не сейчас.

Тамара подаст на развод с мужем сразу после того, как выйдет из больницы, стискивая зубы от воющей боли в искалеченном животе, куда прилетит его кулак. Еще до того, как состоялся тот знаменательный скандал, она будет знать, что с семейной жизнью пора завязывать. Свекровь, подколотная змеища, ежедневно пела в уши сыночку про постоянные загулы жены, пилила отсутствием детей и ставила в пример какую-то неведомую Тамаре Раю, что могла бы стать идеальной снохой. Тамара терпит несколько лет, потом начинает огрызаться. К списку ее недостатков прикрепляется обидное слово «лимита», как будто они живут не в Сибири, а в Москве, с видом на Красную площадь, а сама Тамара приехала из глухого чукотского поселения.

На юрфаке она была одной из лучших и, что называется, «подавала надежды», и, хотя ей никогда не хотелось быть

адвокатом и вставать на темную сторону, она почти соглашается, но в последний момент передумает и уйдет в следствие. Там она познакомится с Генкой, капитаном полиции, что сразу покорит ее сердце и сделает предложение спустя неделю знакомства, встреч и горячего секса в ее съемной комнатухе. Она согласится, и примет как должное тот бытовой ад, в который погрузится ее жизнь, в одной квартире с мамашей Геннадия, бывшей врачихе, привыкшей собачиться с пациентами не на жизнь, а на смерть.

Работая в следственном комитете и часто наблюдая за тем, как когда-то любящие люди, ругаясь, уничтожали друг друга, Тамара даже в мыслях не будет примерять мысль бытового насилия на себя, униженно терпя упреки, затем ругань, а затем и побои мужа, что умел так грамотно бить жену, что следов не оставалось. Подзуживаемый матерью, что то и дело «чуяла запах посторонних мужиков в квартире», Гена часто будет поколачивать Тамару, что постоянно задерживается на работе, в надежде вернуться, когда тот будет спать.

Ей долго не удастся забеременеть, хотя она всегда отличалась лошадиным здоровьем. Не помогут никакие обследования, и она будет думать, что дело в муже, а он на обследование не пойдет. Ситуация в доме будет накаляться. Но она послушно проведет в этом доме десять лет, ежедневно подозреваемая в измене. И однажды, уже почти ненавидя мужа, она на эту измену решится, прямо на работе, после пьянки, что пафосно назовут корпоративом по случаю 25 июля –

дня следственных органов. Тамара пьет мало и может в любой момент остановить притязания коллеги, но ей не хочется. Секс в рабочем кабинете, на столе, среди бумаг и протоколов суетлив и не интересен, но она забеременеет сразу. И в августе ее будет тошнить так часто и сильно, что свекровь сразу заподозрит правду и доложит сыну, а тот, прилетев с дежурства, с порога ударит Тамару ногой в живот так, что она пролетит через всю квартиру и, ударившись головой о притолку, потеряет сознание.

Ее не рожденный ребенок погибнет, а сама она отделается сотрясением и сломанными ребрами. Несколько дней в ее моче будет кровь, но гораздо большее будет осознание, что она не смогла сохранить в себе частичку новой жизни, и эта мысль будет разъедать ее кислотой изнутри.

Она выйдет из больницы и подаст на развод. К тому моменту коллега, заделавший ей ребенка, получит перевод и уедет, и она его больше не увидит и никогда не позвонит. Вопреки ее мыслям, что она успешно скрывала от всех следы побоев, коллеги догадаются. Муж не придет на суд. Выждав, она вновь потребует развода. Он снова не придет. Она нажалуется его шефу, и тот, будучи в курсе ситуации и не желая ссориться со следственным комитетом, примет меры. Геннадия вызовут на ковер и попросят убедить жену не поднимать скандал. Тамара пообещает не портить мужу жизнь и съедет. В съемной квартире она будет проводить одинокие вечера, ожидая вызова в суд и приговора их браку. С этого

момента Тамара будет очень предвзято относиться к мужчинам, что кажутся идеальными при первом впечатлении.

Потому что она так обманулась десять лет назад и, черт побери, больше этого не допустит.

Первое сентября выпадает на четверг, и в понедельник одноклассники Алены как-то забывают о позорном награждении ее отца перед всей школой, а сама она старательно уклоняется от разговоров о том, что они получили к значку почетного гражданина города. В конце концов все давно привыкли, что ее отец – учитель, а в этом году новичок всего один, какой-то очкарик, еще ничего не знающий, и потому на него можно не обращать внимания. Алене не хочется рассказывать о том, каким жалким выглядел отец дома и с какой презрительной ухмылкой поздравила его мама, которая принесла домой из салона денег больше, чем отец зарабатывал за полмесяца. Так отец теряет остатки своего авторитета перед ней, и Алена решительно переходит на сторону матери.

В понедельник Таня садится за парту, и Алена видит на ее щеке замазанный тональным кремом синяк, который наверняка оставили чужие губы в порыве страсти. Но это не единственное ее приобретение. Перед началом урока Таня небрежно вынимает из кармана айфон последней модели и отключает на нем звук, делая все нарочито медленно, чтобы все вокруг успели полюбоваться обновкой, бросив торже-

ствующий взгляд на подружку.

–Я тебе на перемене все расскажу, – шепчет она, и Алена кивает, хотя ей уже все понятно. Родители Тани такие же бюджетники, при этом отец периодически уходит в штопор запоя, и подарить дочери игрушку за сотню тысяч рублей они не в состоянии. Засос на шее достаточно красноречив и просто кричит о первородном грехе. Весь урок Таня строчит кому-то сообщения, а Алена никак не может сосредоточиться на физике, да и какой в этом смысл? На фоне недавних разговоров Алене понятно, откуда дровишки. И она не понимает, что чувствует при этом: зависть или презрение к подружке, что так удачно продалась. На перемене они забирают сумки и переходят в следующий класс, где им будут рассказывать про химические реакции, что нужны обеим как рыбка зонтик. Оставив вещи, они выходят в коридор, облюбовав подоконник подальше от всех. Таня столь демонстративно торжествует, что Алене хочется ее ударить.

–Можешь меня поздравить, кажется мне удалось, – шепчет Таня.

–Удалось что?

–Не строй из себя святошу. Склеить богатея. И у нас вчера все было.

–Я заметила, – хмыкает Алена и машет подбородком в сторону синяка. Таня краснеет, глупо хихикает и подтягивает воротник кверху, но толку чуть, на несвежей ткани остается след от тона, что только усугубляет состояние блузки. –

Что за мужик?

– Крутой мэн, богач, упакован от и до. Мы весьма неплохо отдохнули с ним. Видишь, что подарил?

Таня машет перед Аленой айфоном. Та равнодушно кивает.

– Конечно, женат?

– Конечно, но не в этом дело. Он уже звонил сегодня и предлагал встретиться еще. И, знаешь, он мне даже понравился. Особенно, когда есть с чем сравнить. Все-таки опытный любовник – это опытный любовник. Мне было хорошо. Я вся горела, не то, что с Петькой, вся его эта слюнявая возня...

– Господи Боже, – притворно ужасается Алена. Таня смеется.

– Переживаешь за меня?

– Я бы так не смогла, – серьезно говорит Алена. – Ни за что не легла бы с мужиком, который сильно старше меня, и к которому я не испытываю ничего.

– Я бы не сказала, что я ничего не испытываю, – возразила Таня. – Он очень обходительный. Я не чувствовала себя шлюхой, которую вызвали в сауну к куче сальных ушлепков. Нет, он никакой не извращенец. Все было достаточно традиционно и на неплохом уровне.

Повисает неловкое молчание. Тане явно хочется восторга или даже всплеска бурной зависти, но Алене будто бы все равно. Подружка почему-то не просит поиграть с новым ай-

фоном, не делает селфи, но это равнодушие напускное, потому что нельзя не восхищаться дорогим гаджетом, когда твой примерно в десять раз дешевле.

–Иногда мне хочется, чтобы все было как в старину, у староверов, – внезапно признается Алена. – Чтобы никто до свадьбы не трахался, а если трахаешься, тебя обзовут гулящей и вымажут ворота дегтем.

–Что такое деготь? – спрашивает Таня, и обе невесело смеются. Таня с любовью поглаживает свой новый прибамбас, вскидывает руку и подталкивает подругу. Они старательно кривляются на камеру, пока Таня делает несколько фотографий.

–В жизни староверов нет ничего веселого, – возражает Таня. – Помнишь, как твой папахен рассказывал, как на Руси выдавали девок замуж за богатеев, чтобы поправить свое благосостояние? Да и сейчас это норма. Почему, когда тебя отдавали замуж силком, как в рабство, это считалось нормой, а сейчас – если ты сама находишь себе папика, то общество считает тебя шлюхой?

–Наше общество вообще очень странно реагирует на самые разные вещи.

–Ну. Вот ты считаешь меня шлюхой?

–Конечно, – закатывает глаза Алена. – Более того: я очень тобой горда.

Теперь они смеются по-настоящему. Но на самом деле Алене совершенно не смешно. Подсознательно она понима-

ет, что подруга, решившись на этот отчаянный шаг, выбрала скользкую дорожку, с которой не будет возврата, и, вероятно раз и навсегда отсекала для себя дорогу к какой-то нормальной реальной жизни.

«А какая она – нормальная жизнь? – думает Алена со злобностью. – Жить, как мои родители, от зарплаты до зарплаты, и делать вид, что это нормально?»

– Каждый сам выбирает, как жить, – философски заявляет Таня, словно подслушав ее мысли. – Мне вот с моей семейкой ничего не светит, мозгов особо нет, красота не бог весть какая.

– Ты очень красивая, – мрачно говорит Алена, думая о том, что сама не обладает даже половиной красоты Тани.

– Ну, спасибо, конечно, но я же не соответствую стандартам телок, – возражает Таня. – Скулы надо делать, губы тоже. Попу накачать, грудь... Но сейчас мне вроде как выпал счастливый билет, и этим грех не воспользоваться. И можешь думать, что угодно, но по мне лучше в дорогом отеле, на хрустящих простынях с мужиком, который тебя хочет и может что-то дать взамен, чем в подъезде с одноклассником, под пивас и чипсы, с почти стопроцентной гарантией залететь, потому что у него нет денег на презики.

– Тань, я же тебя не осуждаю. Ты взрослая девочка уже, сама выбираешь, как жить.

– Знаю, но у тебя вид такой, будто ты в дерьмище наступила и сейчас хочешь незаметно ноги вытереть.

–Глупости.

–Ну, может, я себя накрутила, но ты как будто не рада.

–Я не уверена, что должна радоваться, – пожала плечами Алена.

–А вот я – рада, – с вызовом ответила Таня. – И, поверь, я выжму из этой истории все, что смогу. А ты можешь оставаться девственницей до свадьбы, если тебе хочется. У нас есть выбор. Хочешь – трахайся с богатеем, не хочешь – никто тебя не заставляет.

–Да на здоровье, Тань, – отмахивается Алена и изображает на лице улыбку. – Он тебе хоть представился? Как его зовут-то?

–Вячеслав, – после недолгой заминки говорит Таня, и Алене кажется, что она врет.

Выходные для Сергея прошли отвратительно. Вечером пятницы, вернувшись домой, он вытерпел снисходительную похвалу Дарьи, небрежно чмокнувшую его в макушку перед тем, что, по ее мнению, считалось праздничным ужином.

–Папа у нас герой, – хмыкнула она. – Да, Ален? Почетный гражданин города.

Эту фразу она не сказала, а скорее выплюнула, лишь увеличивая разверзшуюся брешь между ними, а Алена, что сидела рядом и пялилась в телефон, рассеяно кивнула, всем видом показывая, насколько ей безразлично все происходя-

щее, и, кажется, объединившись в презрении с матерью.

– Давайте не усугублять, – взмолился Сергей. – Ну, пролетела награда мимо усов, так ее никто и не обещал. Забыли.

– У тебя вечно все... пролетает мимо усов, – констатировала Даша. – Ладно, жуй свою курицу. Будем делать вид, что так и должно быть.

Чтобы скрыть злость, Сергей с остервенением вцепился в куриную ножку и вырвал из нее кусок, чувствуя, что его предали в буквальном смысле этого слова. После унижительной подачи от мэра ему хотелось спрятаться, забыть это позорное награждение, а в минуты малодушия – никогда не прыгать с моста и никого не спасать, но тут Сергей мысленно же бил себя по щекам. В конце концов, действительно ведь ничего такого и не произошло, он не рассчитывал ни на что, так с чего расстраиваться, ничего не получив?

Ситуацию усугублял визит Славки, и вот это тревожило по-настоящему. Отделившийся в юности, как ненужная ступень от ракеты, приятель после службы Сергея в армии на горизонте не возник не разу, и уж тем более ни разу не пытался припомнить ту страшную историю, после которой их дружба треснула и рассыпалась. Лежа в постели рядом со спящей женой, Сергей крутил детали этого разговора, думая, кого еще Славка осчастливил своим визитом. Бебусенов жил в городе, Сергей его периодически встречал и здоровался, но дальше этого дело не шло. Вершинин тоже встал на ноги и пошел далеко, метил в мэры, его Сергей видел реже, а вот Колька

Безуглый исчез из виду давным-давно. То ли переехал, то ли просто не попадался на глаза. Впервые за много лет Сергей подумал, что они не пересекаются даже в соцсетях, не дружат и не шлют милые стикеры к дню рождения или Новому году. Понятно, как Славка нашел Сергея, а вот нашел ли он остальных? Ворочаясь с боку на бок, Сергей подумал, что не хочет этого выяснять.

В понедельник настроение Сергея не улучшилось. Более того, он почувствовал себя полным неудачником, после того, как в учительскую ворвался физрук Виктор Иванов с таким счастливым лицом, что оно могло заменить собой солнце.

–Чего сияешь так? – спросил Сергей. – В лотерею выиграл?

–А ты откуда знаешь? – удивился Виктор.

–В смысле, откуда я знаю?

–Ну, в прямом. Там же фамилий не называют. Тем более, после такого выигрыша! Я лично не хотел особо светиться, чтобы родня не прознала, а то явятся бабло пилить.

–Не понял, – нахмурился Сергей. – Ты реально выиграл в лотерею?

–Реально, Серег! Вот те крест!

–У-у-у, – обрадовался Сергей. – Поздравляю. И сколько?

–А сколько ты думаешь?

–Ну... соточку? Или две?

–Соточку, – рассмеялся Виктор. – Или две... Мелко мыслишь, Богаченко. Четыре ляма я выиграл!

–Да ладно?

–Вот тебе и ладно. Четыре миллиона, Серега! Ух, я теперь заживу. Я с момента смерти родителей нормально не жил, хаты эти убогие, тачка уродская. Я квартиру сейчас куплю, Серег! За четыре ляма я могу взять хорошую хату даже в центре. Ой, блин, я думал, что никогда уже в моей жизни ничего хорошего не будет, как в тринадцать сиротой остался. Думал все, не смотрит Боженька в мою сторону! И тут – бац, четыре ляма! Неплохой такой бонус в тридцать восемь. И главное, Серег, я ж билет этот просто так взял, на сдачу. Никогда ничего не выигрывал, и тут будто кто под руку толкнул: купи.

–Поздравляю, – прохладно произнес Сергей и стал застегивать портфель с конспектами. Когда он направился к выходу, Виктор удержал его за руку.

–После уроков гуляем, я уже столик заказал в «Хуторке». Приглашаю весь коллектив. Но тебя персонально. Так что не вздумай свалить.

–Даже в мыслях не было, – улыбнулся Сергей, хотя на душе скребли кошки, черные, завистливые, недовольно шипящие. Четыре миллиона! Четыре миллиона, свалившиеся с неба. Если бы этот билет купил Сергей, они бы тоже купили квартиру, большую, пусть даже без ремонта, а потом бы продали квартиру тещи, поделили деньги с братом Даши и жили долго и счастливо, не беспокоясь, что, миновав черту молодости останутся без крыши над головой. Может быть,

из-за этих мыслей уроки Сергей провел отвратительно, постоянно отвлекаясь на ерунду, и под конец дня сдался, заставив учеников выполнить самостоятельную работу. Пока дети скрипели мозгами над мифами Древней Греции, Сергей мучительно перебирал в голове давнюю историю, что непостижим образом совпала с потрясающим везением коллеги.

Виктор успел заразить своим настроением весь коллектив, и оттого нежелающих внезапно пойти в ресторанчик не оказалось. В той радостной суете сборов, когда все педагоги неискренне поздравляли везунчика, зазвенел телефон, и секретарша Людочка, выслушав звонившего, на автомате отдала трубку Сергею. Случись это в другой ситуации, Людмила, что уже научилась отфутболивать всех желающих пообщаться с героем, скорее всего бы просто записала телефон звонящего, и только потом Сергей решил, будет ли общаться со звонившим, но теперь она вместе со всеми собиралась в ресторан. Сергей же автоматически эту трубку взял.

–Слушаю, – буркнул он.

–Сергей Богаченко?

Голос был вроде мужской, очень высокий, почти мальчишеский, с какими-то неправильными интонациями. Сергей сразу подобрался, и, скорее всего лишь от того, что ожидал чего-то подобного, и потому, выждав мгновение, спросил:

–Саби?

Теперь замолчал звонивший, а потом, с нервным то ли смешком, то ли всхлипом, произнес:

–Надо же, как быстро ты догадался. Может, догадаешься, зачем я звоню?

–Он к тебе тоже приходил? – быстро спросил Сергей.

–Приходил, – всхлипнул Саби и его голос сорвался на визг. – Погоди, что значит – тоже?

–Он был у меня в четверг, – сказал Сергей.

–А у меня в пятницу. Нам бы надо поговорить не находишь? И желательно бы еще сегодня.

–Давай, – обреченно согласился Сергей. – У тебя мой соловый есть?

–Откуда?

–Тогда запиши. Во сколько сможешь?

–Я на работе еще, – выдохнул Саби. – Часов в десять-одиннадцать. Не поздно для тебя? Хотя, такое дело откуда угодно выдернет. Но я могу операцию отменить, все равно не в том состоянии, чтобы сиськи мять.

–Ничего не отменяй, я на корпоративе, отказаться неудобно. Так что к десяти подъеду. Скинь адрес.

Саби помолчал, а потом на телефон Сергея пришло сообщение. Он мельком глянул на неизвестный номер и прочел сообщение с неизвестным адресом, отметив, что это в центре.

–Послушай, – осторожно сказал Саби, – может, стоит позвонить остальным?

–Может, и стоит, только у меня их номеров нет, где Колян я вообще не в курсе. Он вроде бы собирался уезжать.

–Нет, он здесь, в городе, как то видел, – безжизненно ответил Саби. – Попробую его найти и Володе позвоню. Только ты сразу приезжай, как сможешь. Я жену отправлю к теще... И, знаешь, несмотря на обстоятельства, я почти рад тебе услышать. Эта история... она...

–Давай без деталей, – прервал Сергей, и Саби послушно замолчал. – Звони на мобилу. Я часов в девять тебе звякну, и мы все решим, хорошо?

–Хорошо, – согласился Саби и отключился. Сергей тоже положил трубку на аппарат и вытер внезапно выступивший холодный пот. Людочка смотрела на него тупым взглядом.

–Сергей Владимирович, что-то не так? – обеспокоенно спросила она.

–Все не так, Людмила Алексеевна, – прошептал он. – Все давно не так.

Никто не помнит, кому в голову первому пришла идея налета, но почему-то отговаривать друзей никому не захотелось. Подогретые двумя бутылками текилы, да еще с пистолетом в руках, который они то и дело вырывали друг у друга, чтобы посмотреть, они были готовы на все.

Слава первым справится с оружием, найдет предохранитель, передернет затвор, выщелкнет обойму и наставит ствол на друзей.

–Руки вверх! – командует он пьяным голосом. – Пиу-пиу!

–Славян, там патрон в стволе, – подсказывает Коля.

–Да?

–Да. Ты сперва передернул, а потом обойму вынул, так что убери палец с курка, а то шмальнешь кому-то между глаз. И вообще не тычь им нам в морды.

–А, ну ладно, – соглашается Слава и опускает пистолет, загоняет обойму обратно и щелкает предохранителем. – Саби, откуда он у тебя?

Саби смущенно хихикает.

–Братки после мордобоя у отца зубы лечили, приехали в дупель пьяные, пистолет потеряли и даже не вспомнили где, а я нашел. Ну, держа у себя, подумал, может, вернутся, так отдам, а они не вернулись, видать подумали, что оставили где-то еще. Не факт, что вообще вспомнят, что у отца были, там морды в мясо были разбиты, сотряс обеспечен, к бабке не ходи.

Последнюю фразу он произносит нарочито небрежным тоном, и пытается сплюнуть сквозь зубы, чтобы придать себе крутизны, но у него, как обычно, не получается. Слюни попадают на ветровку. Парни смеются, а Саби краснеет так сильно, что это видно даже в сумерках.

–Вот ты тюнтель, – фыркает Слава и озабоченно добавляет: – А родки не в курсе про ствол?

–Думаешь, я бы тебе его показал, если б они в курсе были? У нас так-то даже сейф есть, причем я кода не знаю, отец бы наверняка пистолет туда запер, или вообще выкинул. Даже

скорее всего выкинул бы.

Редкие облака несутся по небу, заслоняя луну. В парке становится прохладно, спиртное выпито, и греться больше нечем. Текила бушует в крови подростков, толкая на необдуманные поступки, и именно тогда Слава произносит:

–А ведь теперь мы можем править миром.

–В смысле? – не понимает Володя. Слава взмахивает пистолетом, и все инстинктивно отодвигаются подальше.

–Без пистолета мы – кто? Гопота. Нас никто не будет воспринимать всерьез, хоть на головы встанем. Помните, я говорил, что я готов взять все и поделить поровну... ну, то есть по-честному. Но вы можете представить, как я буду это делать без ствола? Забегу в банк с веткой в руке и буду орать: всех перережу? Или брошу туда коровью какаху? Да меня в два счета на пинках вынесут. А тут – ствол. Весомый такой аргумент. Против него не поперешь, отдадут все, как миленькие.

–И ты прям с одним пистолетом пойдешь брать банк? – смеется Сергей, призывая товарищей сделать то же самое, но больше никто не смеется. Напротив, все выжидающе смотрят на Славу, а тот ухмыляется.

–Банк? Банк нет, там все не по-детски, а вот какой-нибудь обменник запросто. Вон их сколько, и охрана там – дедок с газовым баллончиком, а то и вовсе никакой, одна баба сидит в окошке. Думаешь, она будет жизнью рисковать?

–Там окошечки маленькие, а двери железные, – резонно

возражает Володя. – Ей достаточно будет под стол упасть и все, ты ее не достанешь, хоть чем грози.

– Не все такие, – возражает Слава с невероятным жаром. – Я знаю обменник в магазине, это бывшая подсобка, там до сих пор окно огромное, с обычным стеклом, и дверь там картонная, только выглядит солидно. Вечером там вообще никого нет, одни бабки за хлебом ходят.

Облака несутся по небу все быстрее, так же быстро, как кровь в их венах, отчего сердца ускоряют свой бег, а луна качается и двоится. Воздух вокруг них неожиданно становится одновременно ледяным и обжигающе горячим. Пятеро друзей чувствуют себя невероятно взрослыми и решительными, настоящими мужиками, матерыми волками ограблений, профи гоп-стопа. Никому в голову не приходит, что все это всерьез, что оружие в руках Славки – настоящее, и что сейчас они на самом деле решили пойти в тот самый обменник, где Славку, завсегда этакого магазина, знают, как облупленного, и всерьез собираются наставить пистолет на беспомощную кассиршу, которая вероятно тоже вооружена или хотя бы имеет тревожную кнопку. Никто не думает, что у них нет даже масок, чтобы скрыть лица, потому что все они, кроме Саби, в стельку пьяны, а Саби никогда не решится возразить друзьям, опасаясь вновь остаться в одиночестве. За сегодня его авторитет дважды подскочил до небес: когда он принес выпивку и когда показал настоящее оружие. В его голове мелькает мысль, что эту забаву надо бы остановить,

но все и так прекрасно. В глубине души он считает, что к тому моменту, когда они, нестройной группой прибудут к обменнику, все немного протрезвеют. Но, повинувась указаниям Славки, они все идут к остановке и забираются в старый душный автобус, в котором натоплено до предела, и их развозит ее сильнее. А от остановки до магазина идти всего ничего, холодный ветерок не успевает обдуть их хотя бы до мимолетной трезвой мысли. Всю дорогу они таинственно переглядываются и ржут, как кони, игнорируя возмущенные взгляды кондукторши и пассажиров. А потом Славка, едва не прозевав нужную остановку, командует на выход, и они, гогоча, вываливаются на улицу к облегчению остальных пассажиров. Двери закрываются, и автобус возмущенно фыркнув выхлопной трубой, отъезжает. Коля показывает вслед автобусу неприличный жест.

К магазину они идут неровным мушкетерским строем, покачиваясь из стороны в сторону, перебирая заплетающимися ногами. Их решимость никуда не делась, скорее усилилась градусом бравады друг перед другом, у всех, кроме Саби, который начинает беспокойно озираться по сторонам, понимая, что затея ограбить обменный пункт не приведет ни к чему хорошему. Он инстинктивно и лихорадочно ищет возможные пути отступления, чтобы не выглядеть трусом, но не находит и потому плетется следом, слушая бредовый план нападения, где Славка оставил для себя главную роль.

– Не очкуйте, – инструктирует Слава перед дверями. – Там

охранник дедок один, Если что, сразу его на пол положите, а я бабло вытащу.

Они входят в магазин, и теперь боится не только Саби, но и все остальные, боясь признать, что отступить еще можно, но отсутствие охранника на месте радует, на его стуле – брошенная форменная куртка, рядом на облезлом столе – неразгаданный кроссворд. Налет кажется чем-то простым. В кассе обменного пункта скучает женщина лет тридцати-тридцати пяти, довольно полная, неповоротливая. Сквозь грязное стекло видно, что она читает книгу в пестрой обложке. Слава прав, это место непроходное. В магазине кроме них – старуха у кассы, отчаянно ругающаяся с продавщицей, что, по ее мнению, подсунула ей несвежую курицу. Продавец не сдаётся. Ругань поднимается до небес. Слава чуть заметно кивает, сует руку под куртку и, не успев достать пистолет, орёт:

–Руки в гору! Это ограбление! Гони бабло!

Следом происходит неожиданное. Входная дверь открывается, и внутрь входит охранник, от которого разит сигаретным дымом, но это не обещанный Славкой дедок, а мужчина лет тридцати пяти, коренастый, плечистый. Пистолет цепляется за куртку. Славка дергает руку, оружие выпадает из его руки и медленно, как в рапиде, падает на пол со звонким металлическим бряцаньем. Кассирша поднимает глаза от книги и начинает орать, следом орет продавец, начинает верещать бабка. Охранник, мгновенно оценив ситуацию, делает кенгуровый прыжок к пистолету одновременно со Славкой.

Они цепляются за пистолет. Удерживая оружие одной рукой, охранник бьет Славку под дых второй, и тот складывается пополам, выпустив из руки оружие.

–Бей его! – хрипит Слава, и на охранника бросаются все остальные, даже Саби, которого можно перешибить плевком. Оружие вздето к потолку, охранник отбивается и блажит во всю глотку. Пять пар рук пытаются вырвать пистолет друг у друга, качая его из стороны в сторону, а потом раздается хлопок. Стекло кассы оказывается продырявлено насквозь. Захлебнувшись криком, кассирша сползает на пол и нажимает на тревожную кнопку. Раздается еще один хлопок, и пуля разбивает лампу. Старуха у кассы падает в обморок. Продавец визжит, отшатывается и роняет на себя полку с продуктами. Банка с томатным соком взрывается, и продавцу кажется, что она ранена или убита, и она продолжает вопить, думая, что вот-вот умрет. Руки охранника, который сразу понял, что перед ним не муляж, исцарапаны, он отбивается вслепую, стараясь не выпустить пистолета, но его безжалостно выкручивают. А потом раздается третий хлопок.

Пуля входит охраннику под подбородок, оставляя на коже красное пятно ожога, которое тут же скрывается под потоком крови. Захлебнувшись ею, охранник выпучивает остекленевшие глаза и оседает на пол, погребенный четырьмя телами. Славка, что корчился на полу, поднимается и растаскивает друзей, что еще не поняли, что натворили. Пистолет все еще в руке охранника. Парни смотрят на труп мужчи-

ны и не говорят ни слова. Славка хватает пистолет и тащит, охранник держит его мертвой хваткой, но Славке удается вырвать оружие из скрюченных пальцев мертвеца. Ему, мгновенно протрезвевшему, кажется, что сейчас завоют сирены и их повяжут, как в американских боевиках.

–Валим, валим, валим! – орет он и первым бежит к дверям. После секундной паузы вся компания вываливается на улицу, и бежит прочь со всех ног, оставив позади перепуганных до смерти женщин и одного покойника, что так не вовремя вышел со своего рабочего места покурить.

Убийство такой личности, как известный городско пластический хирург не прошло незамеченным. Тамару с самого утра одолевала пресс-секретарь следственного комитета, стараясь почерпнуть из ее отрывистых комментариев хоть что-то достойное внимания прессы. Тамара отвечала скупой и односложно, поскольку, по большому счету, сказать ей было нечего. Мотив преступления оставался неизвестным, допрос очевидцев ничего не дал, замки оказались не взломанными. Вскрытие обещали через пару дней, баллистики на исследование пули взяли тайм-аут, долго ругаясь из-за того, что пуля попала в стену. Расшифровка звонков и сообщений тоже должна была занять несколько часов, поскольку телефона Бебусенова так и не нашли. Тамаре оставалось только ждать. Отбившись от пресс-секретаря, Тамара провела два

назначенных допроса по другим делам и улизнула с работы, направившись к операм.

По пути Тамара, рассеяно глядя на дорогу, размышляла, почему соседи не услышали звука выстрела. Бебусенова убила поздно вечером или даже ночью. В это время многие уже ложатся спать и выключают телевизор. Ближайшие соседи, пусть даже в доме с приличными стенами и неплохой звукоизоляцией должны были что-то услышать. Глушитель? Дополнительная звукоизоляция при ремонте? Учитывая дорогой ремонт, сменные стеклопакеты, такой вариант не исключался. Или же что-то другое? Посторонние шумы на улице или же долбежка в самом доме, где, в нарушении, например, законодательства, какой-нибудь полуночник мог поработать с перфоратором? Чтобы не забыть, она вытащила телефон и вдолбила эти вопросы в заметки. Позади рассерженно загудел сигналом какой-то торопыга, недовольный ее ездой, и Тамара, раздраженно поджав губы, прибавила скорости. Верный «фольксваген» прыгнул вперед, спугнув намеревавшуюся проскочить улицу старуху. Та что-то крикнула вслед и помахала кулаком.

– На переход иди, старая перечница, – беззлобно посоветовала Тамара. Бабка продолжала шевелить губами, Тамара решила, что бабка ее прокляла.

Василий Татаринев торчал в кабинете, ел глазированный пончик, запивая чаем и хмуро смотрел в монитор, на котором было открыто сразу два окна, а в них двигались люди в

дворе и, кажется, подъезде дома. На вошедшую Тамару Василий поглядел с неудовольствием, но, тем не менее, криво улыбнулся, встал, вытер руки о штаны, принял у нее куртку и подвинул коробку с пончиками. Она же в очередной раз подумала, что вновь приперлась к операм с пустыми руками.

– Чай будешь?

– Буду, – обреченно вздохнула Тамара, предполагая, чем ее сейчас угостят, и махнула головой на монитор. – Что смотришь?

– Видео с камер дома и парковки. Застройщики все-таки жлобы. На входе камера есть, на парковке есть, у лифтов и то есть. Что им стоило поставить камеры на этаже?

– Так там же есть, я видела, – удивилась Тамара.

– Фигу ты видела. С маслом, я извиняюсь. Муляж, Тамар. Не работает ни одна, кроме тех, что в лифте, на входе и лестнице первого этажа, а еще типа элитный ЖК. Случись что – и концов не найдешь.

– Так уже случилось, – мрачно сказала Тамара, взяла чашку и, зажмурившись, отхлебнула кипяток. Она всегда пила только обжигающе горячий чай, терпеть не могла тепленький или холодный, причем выпивала кипяток в два глотка. Пончик упал в ее желудок каменной гирей, и она вспомнила, что с утра не завтракала. – На видео есть что-нибудь интересное?

– Думаю, я уже нашел убийцу, – усмехнулся Вася.

– Да ладно?

– Вот тебе и ладно. Но что толку? Если это он, нам известно только время. А там помимо него в указанное время куча народу вошла. Вот, смотри.

Тамара уставилась в монитор. Вася перемотал видео на несколько минут назад. Там, в серой пелене экрана к подъезду двигался мужчина: довольно высокий, кражистый, с огромным букетом белых цветов: не то астр, не то хризантем, и столь же внушительной охапкой воздушных шаров. Разглядеть за этим праздничным великолепием лицо оказалось невозможным, к тому же камеры были довольно скверными, превращая видимые фрагменты лица в засвеченные плоские блины.

– А с подъезда есть видео? – спросила Тамара и осторожно надкусила пончик, прижав губами шоколадные крошки. Чай был отвратительным, с какой-то мерзотной цветочной отдушкой, явно дешевый, но выбирать не приходилось. Тамара сделала пару глотков, чувствуя, что шоколадная глазурь только усугубила мерзость напитка.

– То же самое, – с горечью сказал Вася. – Зашел, но в лифт не сел, смотри, двинулся вправо, к лестнице, к камере стоит спиной. Что это за доставщик такой, который проигнорирует лифт, даже если клиент живет на втором этаже? Да еще доставка в одиннадцать вечера. Не поздновато ли для гульбы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.